

A 3608

Рос 4-4
1-445

ДЕКАБРЬ 1925 ГОДА.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

DECEMBER, 1925.

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

Содержание

Историческая миссия рабочего класса	3 стр.
Самодостаточность Индустриальных Рабочих Мира	6 „
Переходный период	7 „
Вопросы общественного строительства	11 „
Принципы синдикализма	16 „

Научный отдел:

Вопросы политической экономии	17 „
-------------------------------------	------

Хроника международного рабочего движения:

Франция. — скандальные процессы	19 „
Швеция. — Рост синдикалистских организаций. Регистрация штрейкбрехеров. Реформисты против единого фронта рабочих	20 „
Португалия. — Конгресс Главной Конфедерации Труда	21 „
Южная Америка: Чили. — Иквикская трагедия, фашизм. Перу. — Положение революционного движения. Бразилия. — Рабочая борьба. Преследования. Крик о помощи. Всеамериканская конференция революционных рабочих союзов латинских стран	22 „

Жизнь организации И. Р. М.:

С'езд союза лесных рабочих.	25 „
Забастовка углекопов	26 „

Отклики:

О международном об'единении	28 „
Международное Товарищество Рабочих и Индустриальные Рабочие Мира	31 „
Отчет	32 „

A 3608 POC 4-11 1-445

Голос Труженника

GOLOS TRUZENIKA [THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by the General Executive Board of the Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50; на шесть месяцев — 80 центов.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 c. per six months.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 3333 Belmont Ave., Chicago, Ill.

VOL. VIII. No. 14.

DECEMBER, 1925.

PRICE 15c.

48-1231

Историческая миссия рабочего класса

Вместо консервативного девиза „справедливая почасная плата за выполненную почасную работу“ мы написали на нашем знамени революционный клим „уничтожение наемного труда“. Историческая миссия рабочего класса — уничтожение капитализма.
(Программа И. Р. М.).

Вступление науки на путь естественного объяснения фактов и явлений внешнего и внутреннего мира, освобождение человеческой мысли от пут религиозной метафизики и идеалистической шелухи принесло огромные плодотворные результаты. Первые годы второй половины прошлого столетия ознаменовались, вследствие этого, беспрецедентным в истории развитием науки и техники. Открытия следовали за открытиями, изобретения за изобретениями. В результате этого необычайно-быстрого развития науки и техники разрешена задача завоевания воздуха, над которой люди бесплодно бились, начиная с седой древности.

Естественно-научная философия открыла нам необъятные горизонты, внушила нам дерзость, неослабляющуюся ни перед штурмом небес, ни перед штурмом вековых институтов рабства, освящаемых и оправдываемых религией и разными идеалистическими системами философии, не идущими далее платоновской республики, основанной на рабстве и смертной казни или кантовской республики «разумных» и «свободных», основанной на неравенстве, то-есть на основном принципе безнравственности. Естественно-научная философия, устранив божественное и сверх-естественное объяснение явлений, открыла необъятные горизонты и в общественной жизни. Она дала возможность поставить на твердые научные основы идеалы и стремления трудящихся масс, идеалы пролетариата, придав им общечеловеческий характер. Теперь неопровержимо доказано, что стремление пролетариата не утопия, не мечта, не маниловщина, а то неизбежное, вполне реальное, что вытекает из логики развития процесса, совершающегося в природе и в обществе.

Однако, развитие науки и техники, вызывающее удивление и наполняющее гордостью человеческое сознание, в силу тех общественно-экономических условий, в которых мы живем и против которых боремся, в наименьшей степени идет на пользу обездоленным трудовым массам, на пользу пролетариата; плодами науки и техники, ставшими такой же частной собственностью, как, например, уголь, добываемый углекопами, пользуется небольшая кучка эксплуататоров, нарочито держащих в невежестве огромные народные массы, которым от плодов науки и техники перепадают жалкие крохи. В силу несправедливых общественно-экономических условий, наука находится на службе имущего класса, условия же, при которых она могла бы служить на пользу всего

общества в целом, еще не завоеваны. Необычайный прогресс и мощь капиталистической системы обязаны, именно, успехам науки и техники.

Капиталистический класс, класс буржуазии, одержав победу над аристократией и феодализмом, без науки и техники еще долгое время боролся бы с остатками феодального строя. Именно, революция в технике, в производстве, явилась и продолжает являться источником сказочного развития капитализма, достигшего, всего лишь на протяжении ста лет, головокружительных успехов. И все это благодаря машине. Машина стала царицей века. Благодаря ей огромные пароходы в короткий промежуток времени пересекают океаны, благодаря ей земной шар покрылся сетью железных дорог, благодаря ей человек взвился ввысь и стал царем среди пернатых, благодаря ей он плавает под водой, роется под землей, пробивает горы, благодаря ей он может производить несметные и самые разнообразные богатства. И в настоящее время, благодаря машинам, имеется полная возможность, при огромной экономии времени и человеческих сил, производить во много раз больше, чем нужно для удовлетворения всех потребностей всех людей... И тем не менее, при наличии этой возможности, огромные массы, миллионы, страдают от недостатка продуктов; огромные массы не имеют возможности полностью удовлетворить даже самые элементарные потребности в питании, одежде и жилище. Более того, миллионы не могут найти применения своих сил, найти работу, безработица и сопутствующая ей нужда, вынуждающая огромные трудовые массы к подавлению у себя естественного влечения к отцовству и материнству, являющаяся насмешкой над всеми достижениями техники и науки.

Машина, создающая огромные возможности, машина, долженствовавшая, по мысли ее творцов, облагодетельствовать человечество и освободить его от тяжелой борьбы за существование, в условиях капиталистического строя, создала для огромного большинства нищету, рабство. При капитализме она делает пролетариев своими рабами, вместо того чтобы быть их рабыней. Все это происходит благодаря господству принципа частной собственности, по которому и плоды науки становятся достоянием господствующего класса, господство которого охраняется государством. Таким образом, наука в условиях государственно-капиталистического строя, находясь в распоряжении господствующего класса, служит не столько в пользу трудовых масс, сколько для их эксплуатации и обогащения эксплуататоров. Благодаря науке капиталистическое хозяйство разевалось и развивается гигантскими шагами, порождая особый класс, который мы называем пролетариатом; в полном соответствии с ростом капитализма численно рос и пролетариат. Капиталистическое производство имеет ту характерную особенность, что оно, во-первых, соединяя под одной крышей сотни и тысячи рабочих, тем самым организует их; во-вторых, применяя машины, оно уничтожает ремесленную, профессиональную иерархию среди рабочих, делая их равными перед машиной; и в-третьих, в одинаковой мере эксплуатирует всех занятых рабочих, удлиняя часы работы или уменьшая заработную плату, толкая этим рабочих сперва на путь коллективной защиты своих интересов, затем на путь коллективной борьбы за улучшение и, наконец, на путь осознания полной солидарности интересов всех рабочих сперва данной области, потом страны, и, наконец, всего света.

Параллельно развитию капитализма шло и углубление рабочего сознания; от сознания общности своих чисто корпоративных интересов, пролетариат, мало-по-малу, с постепенным перерождением капитализма в интернациональный по существу империализм, перешел к сознанию общности своих человеческих прав и несправедливости своего положения, несправедливости и грабительской сущности капитализма, под игом которого страдают огромные массы всего земного шара. И теперь передовая часть пролетариата понимает, что требование «справедливой платы за справедливую работу», как его понимают отсталые слои рабочих, не верно по существу, ибо справедливой платой может быть только весь продукт работы; при капиталистическом же строе, покоящемся, именно, на присвоении огромной доли труда рабочих, осуществление этого

требования невозможно, а если бы и было возможно, то оно, в конечном счете, привело бы к подавлению сильных слабыми, то-есть снова к эксплуатации. И передовые элементы рабочего класса, как Индустриальные Рабочие Мира и Анархо-синдикалисты, поняв и осознав это, выдвинули революционное требование — уничтожение наемного труда, то-есть уничтожение капиталистического строя.

Реалистическая наука, рассматривающая трезво и объективно явления и процессы, совершающиеся в человеческом обществе, которое ничто иное как одно из сложных явлений природы, помогла пролетариату понять, что современный рабский строй отнюдь не совершенен, что он не божественного происхождения, а результат исторического развития, которое на нем не остановится и что это историческое развитие делает ныне пролетариат двигателем дальнейшего прогресса и возлагает на него мессианскую задачу освобождения человечества.

Темные религиозные массы ждали и ждут пришествия Мессии; одни, как евреи, Мессия, который возвеличит избранный богом народ, другие, как христиане, ждут вторичного пришествия Христа, который установит царство небесное и наведет порядок, не устанавливая равенства — каждому по заслугам и делам. Эти массы и их попы, разные там «идеалисты», не понимают совершающегося на их глазах процесса в человеческом обществе, они ждут Мессию, рожденного от девы, и не замечают, что этот Мессия родился от капитализма, не замечают пришествие Христа — пролетариата, который растет и крепнет, организуется и накапливает силы для совершения «страшного суда» и установления царства небесного на земле, не на безнравственной основе Христа — (каждому по делам, каждому по заслугам) — **неравенстве**, а на основе нравственной — **равенстве**: от каждого по силам, каждому по потребностям.

Да, пролетариат — Мессия. Развитие общественной жизни сделало его мессианским классом. Свобода и благополучие всех людей зависит от свободы и благополучия пролетариата.

Нет и не может быть другого класса, кроме пролетариата, на которого история могла бы возложить огромную задачу уничтожения капитализма и организации свободы и довольства всех людей. Развитие общества привело к такому положению, что, освобождая себя, пролетариат освобождает все человечество и перестает быть пролетариатом. Крестьянство не имеет такого интернационального характера, как пролетариат; оно, как бы то ни было, собственник; правда, часто эта собственность — одно лишь воображение, но мы знаем какую огромную роль в жизни играет воображение... Кроме того, крестьянство, несмотря на свою огромную численность, раз'единено пространством, которое является огромным препятствием для объединения и осознания своих и общечеловеческих интересов. Другие элементы, категории и группы современного общества в счет идти не могут. Но несомненно, несмотря на указанные отрицательные черты крестьянства, в некоторых странах найдутся огромные кадры крестьян, интересы которых тесно связаны с интересами пролетариата. Но это не снимает с пролетариата его мессианской задачи и не развенчивает его, как Мессию.

Пролетариат уничтожив капитализм, уничтожит вредное действие машины, заставив ее служить не для порабощения, не для накопления огромных богатств на одном социальном полюсе и нищеты на другом, а для свободы, для создания условий довольства и легкого приятного труда-удовольствия. Наука, от плодов которой он получает ныне крохи, станет благодетельницей всего человечества, которое в свою очередь даст ей неиссякаемый источник силы для дальнейшего победного шествия вперед.

Капитализм породил коллективного Мессию, Христа-пролетариат, на которого история возложила задачу уничтожения, породившего его капитализма. Наша задача воспитать этого Мессию, организовать и в индустриальных союзах, а не в партиях, подготовить к выполнению его исторической миссии.

Самодостаточность Индустриальных Рабочих Мира

Если внимательно проследить историю рабочего движения, то мы увидим, что экономическая часть движения, как гильдейское, цеховое, тред-юнионное и индустриальное, выросли из повседневной жизни рабочих. Они родились, росли и крепились на месте производства сообразно развитию промышленности. На эти движения оказывали влияние и стремились захватить в свои руки разные политические партии. Характерно, что всякий захват рабочих организаций политическими партиями всегда приводил либо к расколу, либо к отмиранию (Россия), либо к полному уничтожению рабочих организаций.

Рабочие организации являлись и являются ареной борьбы для разных политических направлений, не только буржуазных, но и революционных. Но все эти вмешательства как бы не пристаю к рабочим организациям. Это вмешательство является чуждым для экономических организаций, ненужным и вредным.

В Америке сошли со сцены многие рабочие организации, на памятниках которых написано: «Скончались от политиканства».

С другой стороны политические движения, как политические партии социализма, коммунизма и группы анархизма вошли в рабочие организации частью из альтруистических целей поднятия умственного развития рабочих и расширения его классового кругозора, частью из-за обоюдной полезности, но более всего из-за стремления утилизировать рабочее движение для достижения намеченных партией целей (хороших или плохих для рабочего класса).

Как бы не самоуверенны были наши партии, они всегда признают, что, в конечном счете, **рабочий класс** является главным фактором освобождения и избавления «цивилизации» от ее язв. Без рабочего класса они бессильны.

Как первые анархисты (Прудон) и социалисты (Сен Симон) надеялись произвести операцию оздоровления человечества при поддержке и содействии богатых и сильных мира сего, так и современные партии добиваются этого посредством рабочего класса.

Таким образом, политические движения не являются самодавяющими течениями, а как бы дополнением к рабочему классу, руководителями которого они хотят быть.

Что же представляют собою рабочие экономические организации?

Большинство их, от гильдий до тред-

юнионов, являлись кассами взаимопомощи, клубами, средствами к достижению улучшений труда, повышения заработной платы и т. д. Ими вносились в программу некоторые реформы, но основа современного строя не затрагивалась. Лишь синдикалисты постепенно, а Индустриальные Рабочие Мира с самого своего основания, заявили, что их цель — уничтожение системы эксплуатации человека человеком и установление коммунизма.

Поставили они себе эту цель не потому, что они ждали освобождения извне, а потому, что они, — на основании практики рабочего движения, на основании логики, на основании развития капитализма, трестирования и т. д., — пришли к сознанию, что никто не сможет освободить рабочего класса, кроме как он сам. Освобождая себя, он освободит все общество, как целое.

Раз рабочие додумались до идеи самосвобождения, то, естественно, что в результате появилась доктрина «самодавления» (самодостаточности).

«Руководителям» рабочего движения эта доктрина не нравится. Одним потому, что они теряют паству (социалисты, коммунисты), другим (как А. Шапиро и иным честным анархистам) потому, что они не желают понять громадность значения этой идеи. Она направлена не против интеллигенции вообще, а против профессиональных спасителей рабочего класса. Сюда относятся политические партии, а также лидеры из интеллигенции и рабочего класса, ищущие почета, славы и тепленьких местечек. Честные же труженики ума и мозолей всегда найдут теплый прием в среде Индустриальных Рабочих Мира.

Когда против идеи самодостаточности говорят люди, не верящие в классовую борьбу, люди бесклассовые, внеклассовые и надклассовые, то нам понятно их негодование дерзостью индустриалистов, когда же протестуют классовики, то мы их просто не понимаем.

Или вы, честные сотрудники рабочего движения, боитесь потерять свое привилегированное звание интеллигентов и не желаете быть причисленными к рабочему классу, или, признавая, что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих, вы ставите **НО...**

Или вы думаете, что вы полезнее для общества, для рабочего движения, для классовой борьбы...

Мы, Индустриальные Рабочие Мира, так

не думаем. Для нас рудокоп так же важен, как конторщик, учитель, писатель. Скажу больше: пусть редактор, писатель будут семи пядей во лбу их труды пропадут даром, если не найдутся Семены и Иваны для распространения газет, журналов, книг и брошюр.

Идея самодостаточности не олицетворяет собою самодостаточность, всеспособность определенных лиц, она олицетворяет самодостаточность рабочего класса. Может быть многим не нравится, но мы их относим в разряд рабочих. В особенности в Америке интеллигенты, полуинтеллигенты и «интеллигенты» с позволения сказать не желают быть причисленными к рабочему классу, но мы не слушаем их протестов.

Идея самодостаточности не останавливается на классовой борьбе. Мы, рабочие, не только самодостаточны, чтобы свергнуть систему наемного рабства, мы самодостаточны и для постройки нового общества, общества Индустриального Коммунизма.

Идея самодостаточности неразрывна с идеей индустриализма. И вот на индустриальную часть наши товарищи-анархисты очень мало обращают внимания. Индустриальное объединение важно не только для борьбы за освобождение, уничтожение цеховых предрассудков и воспитания классовой солидарности, она также важна для строительной программы на «второй день» после революции. Не одни плотники будут решать вопрос, как строить до-

ма поэкономней и получше, а все рабочие в домостроительном производстве: архитекторы, каменщики, плотники, электротехники, чернорабочие... Не спецы из центра будут управлять железной дорогой, а машинисты, кондуктора, начальники станций, инженеры, стрелочники...

А для этого нужно воспитать индустриально-классовую солидарность и отказаться от цехового чванства, которое, к сожалению, существует и в рядах революционных рабочих.

Идея автономности в индустрии реакционна, как реакционна централизация в вопросе удовлетворения духовных потребностей. Справедливо объединяться по своим интересам для издания газет, устройства лекций, театров, школ и т. д., но не справедливо перед обществом, если машинист или стрелочник на железной дороге откажутся соблюдать схему движения поездов. Здесь ставится на карту благополучие всех, а потому и необходима классово-индустриальная солидарность, которая не может развиваться в рамках цеховых юнионов.

Хорошо любить ближнего, говорит Лев Толстой, он тут около тебя, ты его знаешь, видишь, — легкое дело его любить, а ты полюби дальнего, неизвестного тебе рабочего. Таким образом, солидарность, берущая свой корень с места производства, логически доводится до солидарности интернациональной, космополитической.

Я. Сибирский.

Переходный период *)

Споры о переходном периоде тесно связаны со спорами о так называемом немедленном анархизме. Были у нас разные уклоны: экзизм, бомбизм и др. Наиболее живучим оказался уклон в сторону немедленного анархизма, т. е. возможности внезапного, одним махом устанавливаемого анархического общества, в котором будет отсутствовать какое-бы то ни было насилие человека над человеком. Вчерашний хозяин и его прислужники на другой же день социальной революции становятся равноправными членами нового общества, и им, наравне со всеми, должна быть гарантирована полная свобода действий, как членам волевой коммуны, свободным личностям, строптивым анархиям...

Такие нелепые басни являются открыжком того длинного периода в истории анархического движения, когда проповедь анархизма сводилась к слезливой проповеди

равенства и братства всего человечества, справедливости, взаимопомощи, нравственности и т. д.

Будет! Мы хотим ясно сказать, что грядущее братство („делай, что хочешь“ и пр.) — очень мало нас сейчас интересует. Анархизм, о котором мы сейчас говорим, это анархизм ближайших времен, идеал трудящихся масс и их авангарда — пролетариата, анархизм, положивший в основу классовую борьбу. Интересы буржуазии и пролетариата настолько непримиримы, борьба между ними настолько исключает всякую возможность соглашения, что нелепо думать, будто борьба эта закончится в тот момент, когда пролетариат прогонит хозяев и господ чиновников. Нелепо думать, будто буржуазия также признает себя окончательно побежденной и не возобновит борьбы за господство и возмещение старых прядков с новой силой, с новыми приемами, применительно к новым условиям, которые начнут складываться на другой день. Или над. признать, что буржуа, — в сущности, забавные братья, которые по недоразумению эксплуатировали нас, а когда отберут у них фабрики, богатства, привилегии, то в них тотчас же проявится приращенная дружба челове-

*) Несоглашаясь ни с постановкой, ни с решением ряда важных вопросов, трагических в этой статье тов. Хлебников, редакция дает ей место, как показателю совершающегося среди наших товарищей в России процесса переоценки ценностей.

ка к человеку и на земле воцарится идеальное анархическое братство.

Или надо признать, что буржуазия себя побежденной не признает и поведет отчаянную борьбу против нового, как открыто призывая интервентов и помогая им, так и, оставаясь на месте, взрывая изнутри.

Буржуазии нельзя отказать в навыке к организованным действиям и в умении употреблять все и всяческие средства и пути, применительно к обстоятельствам; разумеется, на другой день социальной революции борьба не закончится, а лишь примет новый характер.

Учитывая это, пролетариат и трудовые массы на другой день установят не свободу „личности“, а свободу производителя, свободу для сторонников нового порядка. Первые дни, месяцы, может быть, годы „личности“ будут еще весьма существенно ограничены, ибо не для того класс-победитель лил кровь, чтобы проворонить победу пустозвонным великодушием, вернее, просто, расхлябанностью. При всем великодушии, надо будет зорко следить за побежденным классом и держать его крепко в узде. А ведь это значит, что не один человек, класс целый, т. е. множество людей — бывших угнетателей и правителей — будут ощущать на себе, довольно долгое время, определенное давление, ограничение, насилие; и они смогут с полным правом говорить, что ощущают на себе диктатуру!

Если не принять во внимание, что наиболее активным элементом в революции, особенно в городе, будет пролетариат, то об этом времени, следующим непосредственно за первым днем социальной революции, можно, в вышеупомянутом смысле, говорить, как о времени, одной из характерных особенностей которого явится диктатура пролетариата.

Говорить об этом времени, как об анархической коммуны, когда побежденный класс всеми средствами стремится к реваншу, а пролетариат вынужден применять против него насилие и диктатуру, ограничивая его свободу слова, собраний, печати и т. п., утверждать, что этот неминуемый этап нашего „другого дня“ и есть анархическая коммуна, — ребячество.

Вперед для каждого из нас маячит светлый идеал волевой федерации волевых людей, практикующих свободное соглашение в обществе, где нет никакого насилия человека над человеком. Но о ближайшем к социальной революции времени приходится говорить лишь, как о первом шаге к осуществлению этого идеала. Это время будет заполнено продолжением и завершением давней классовой борьбы и, в силу необходимости, явится, поэтому, не самой анархической коммуной, а лишь первым приближением к ней.

Общий характер первого приближения скажется также и на тех конкретных формах строительства, в которые выльется создание пролетариатом нового общества. Бесспорно, на территории революции, (будь то, вначале, какая-нибудь область или город одной страны, или целая страна), рабочий класс, наряду с разрушением государственной власти, провозглашает и проводит в жизнь уничтожение системы частной собственности, наемного труда, заработной платы. Ни один человек, будь он самый доподлинный потомственный пролетарий, не волен, однако, делать на другой день все, что ему вздумается.

Как свержение старого, так и строительство нового проводится организованным путем, под руководством объединения рабочих организаций. До революции эти организации вынуждены массу внимания уделять защите интересов профессии (напр., союз парикмахеров, ювелирных подмастерьев), тогда как со второго дня интересы целого класса-победителя будут доминировать над интересами тех же парикмахеров или другой отдельной профессии. Основной принцип анархистского строительства — самодеятельность масс. Однако, горьки будут плоды такой самодеятельности, которая свелась бы к бессистемному скрепянию индивидуальных действий. Подобно тому как в борьбе за лишнюю пятачок мы добиваемся результатов лишь при стройной, крепкой организации, (где есть исполнительный орган-правление, действует принцип большинства), так и при объединении рабочих союзов. Анархистские организации, действующие „на другой день“, будут на стороже, чтобы не допустить чрезмерного сосредоточения функций в этом рабочем объединении, подвергая его постоянному контролю и давлению масс. Все же любителям немедленного анархизма и свободы „личности“ есть от чего воротить нос: ведь и у будущего объединения будет свой совет — местный, федеративный и Конфедеративный Совет Труда. Отсутствует правительство, вне и над народом стоящее, отсутствует Городская Дума, или совет коммуны, как представительный орган всего населения. Но есть доверенный орган рабочего класса, который, на подобие старого правления (администрации) какого-нибудь профсоюза, осуществляет, в лице подконтрольного федеративного и Конфедеративного Совета, волю рабочего класса. Как в анархистской организации вопросы решаются не механическим большинством, а с учетом мнения меньшинства, так и решения грядущих рабочих собраний и советов труда после обсуждения будут считаться обязательными, подлежащими к исполнению. Кто видит в этом нарушение прав свободной личности с тем спорить бесполезно.

Работают же заводы и вырабатывают такое количество такого продукта, которое признано нужным не рабочими данного завода, а объединением всех рабочих и его Советом. Каждый день возникает уйма вопросов, которые не могут разрешаться вслепую, случайно подвернувшимися добровольцами. Возможно, что придется к тому, что при Совете создастся ряд комиссий: по регулированию производства, распределению жилищной комиссии, конфликтная, военная, комиссия внешних сношений и пр. пр. Можно всячески ограничивать права этих комиссий, можно их решения подвергать частой проверке массы, — но факт остается фактом: такие комиссии далеки от идеальной анархии, ибо несут в себе зародыш новой власти. Новой власти допустить нельзя, но недопустимо также, из-за боязни возникновения (при нашей апатии) новой власти, провозгласить губительное: „валяй, ребята, кто что хочешь!“

Коммунизм на первых порах вряд-ли можно будет провести полностью. Жестко применяется принцип — не трудящийся, да не ест, (неработоспособные не в счет). На попытки извращиваться в мошеничат. — отпор! Производство придется увеличить. „Бывшие“ силою вещей вынуждены будут становиться на работу.

по к предоставлению им решающего голоса на рабочих собраниях надо подходить с большой осторожностью. Распределение по потребностям, вообще, возможно будет лишь в микроскопическом размере; ограниченные запасы всего приведут к дефициту по порциям, а кое-что не миновать отпустить и по степени нужды. Определение нужды, определение порции связано с нормировкой, с организацией, с отсутствием „немедленной свободы личности“; последнее нас несколько не печалит: наша забота не о личности, а о закреплении классом своей победы.

Надо будет, по возможности, *у себя* попытаться производить все то, что потребуется революционной территории, чтобы поменьше зависеть от нереволлюционных местностей. Понадобится концентрация всего денежного запаса, чтобы добывать необходимое там, где деньги еще в ходу. — В городе пролетариат „диктует“ свою волю всему населению. Но насилие недопустимо в отношении крестьянства. Как когда то еще Бакунии советовал, тут надо быть весьма осторожным, нужно будет идти на соглашение с низовым крестьянством и направлять его на борьбу с крестьянскими верхами. Борьба с деревней допустима лишь в том случае, если она *активно наступает* на революционный город. Но и внутри города может создаться такое положение, при котором пролетариат в исом был бы вынужден защищаться *силою* против какой-нибудь отсталой своей части, которая в момент тягчайшей опасности (напр., осада неприятелем) угрожала бы сохранению нового порядка. При этом важно, разумеется, чтобы подобная крайняя мера проводилась не федеративным советом или его комиссией, а вовлеченными в дело широчайшими рабочими слоями.

Основа строения армии — добровольчество и крепкое пролетарское ядро. Партизанские отряды хороши в одних условиях; но для длительной и успешной оборонительной территории революции будет нуждаться в настоящей, хорошо обученной армии, знающей все, что в военном деле знает подползает. Что касается дисциплины и сознательного подчинения в революционной армии, то к тому, что писал об этом Бакунии, нечего добавлять.

Возьмем, наконец, пресловутый вопрос о борьбе с контр-революцией. Здесь, как и во многом другом, все зависит от отравной точки. Если исходить из того, что наши „братья“ — капиталисты, стонущие под игом мировой скорби, ждут-недождутся революции, чтобы выказать свойственную каждому человеку любовь к людям и взаимопомощи, и тогда, разумеется, преступно рассуждать о возможности какой то контр-революции на другой день революции, остается только дожидаться до этого дня, и тогда... тогда все само собою устроится без всяких затруднений. В таком случае толки о возможной контр-революции есть ересь, чехистский бред, копирование большевиков. Совсем иное получается, когда берешь людей и факты такими, какими они бывают на самом деле во время революции. Мы знаем и учитываем, что интузиам трудовых масс, готовность к самопожертвованию способны в это время горы двигать. Но мы также знаем из истории и из опыта последних лет, что нет такой буржуазии, которая с момента поражения не пыталась бы вернуть свое владычество. Указание на то, что еще ни одна революция не была

доведена до конца, в данном случае не существенно. Важно установить, запомнить и учесть самый факт неизбежного, яростного сопротивления вчерашних господ всеми явными и *тайными* средствами. Необходимо, следовательно, рассмотреть и вопрос о борьбе с такой, изнутри действующей, контр-революцией.

Мы все видели, во что выражаются различные чрезвычайные комиссии и не имеем ни малейшей охоты доверять внутреннюю сохранность революционной территории какой-нибудь новой че-ка под новым названием. Наивернейшая защита от так называемых внутренних врагов заключается, конечно, в настороженности самого рабочего класса. Значит ли это, однако, что любой, случайно проходящий, рабочий решает вопрос о виновности Иванова, которого кто-либо из настороженного класса заподозрил, что он — агент буржуазии, что он ведет подпольную работу, подготавливает восстание, взрыв водопровода, порохового склада и т. п.? Ведь подозрение может быть неосновательно; быть может Иванов дал бы исчерпывающее объяснение своему шатанию вокруг водопровода и порохового склада, если бы его спокойно допросили и проверили его рассказы опросом его возлюбленной, назначавшей ему свидания в таких укромных, далеких от жилья углах. Не стрелять же в человека из-за одного только пашего на него подозрения! Но, с другой стороны, и возлюбленная толкует о свиданиях около порохового склада только потому, быть может, что и она и Иванов — опытные подпольщики-савинковцы, ни перед чем не останавливающиеся. Может в этом деле разобратся случайно проходящее лицо, хотя бы он трижды был потомственным пролетарием? Разумеется, нет. Настороженность класса — это верно, но должна же она выразиться в каких-нибудь конкретных формах? Напр., допустимо ли, чтобы во времена „второго“ дня, не желая создавать ни тюрьмы, ни суда — стали бы, во избежание всяких разбирательств, повсюду убивать самосудом всех и каждого, на кого и у кого бы то ни было пало почему либо подозрение? Самые крайние немедленно вряд ли стали бы советовать подобное. Но тогда это означает, что надо всякое такое дело разоборать; разоборать, значит, опросить, допросить, сверить показания одних и других, руководствоваться тем, что обнаружено у заподозренного. Можно-ли оставить не проверенными уверения возлюбленной Иванова, что закопанный под полом ее квартиры динамит, должно быть, принадлежит прежним жильцам этой квартиры, ибо она, вообще, не возилась с динамитом? Нельзя. Что же получается: допросы, показания, обяски, суд. Более того, до выяснения всех обстоятельств, (а это может длиться не один день), Иванова и его возлюбленную не придется спускать с глаз, дабы они, скрывшись не причинили вреда в другом месте, где их еще не заподозрили. Это значит, что их как то надо будет временно задержать, кому то надо будет за ними следить, — так или иначе, в той или иной форме, — появиться для них тюремщик и тюрьма, хотя бы то была их собственная квартира или сызнова какого-нибудь немедленно. Самый гласный суд из представителей от заводов — все так суд. Самый доподлинный рев. — рабочий, охраняющий Иванова от побега, является для этого Иванова тюремщиком. Самый незапятнанный аппарат — рабочий, сопровождающий к границе Иванова,

приговоренного к изгнанию, является для этого Иванова жандармом. Можно заткнуть уши и укрыться от необходимости загнать в грядущее криком: „Нет, нет, ничего этого не будет! Не будет ни Иванова, ни их возлюбленных, ни тюрем, ни жандармов! Люди — братья, и да здравствует мировое счастье!“ Мы к этой категории анархистов не принадлежим. Мы готовы к тому, что Ивановы будут; и в случае их виновности, мы подадим свой голос за расстрел, а не за изгнание. Нас не бросает в жар от мысли, что такой Иванов и его родня подыали бы крик: жандарм, палач! Пока будут продолжаться попытки реставрации, до тех пор не может быть речи о пощаде ни с той, ни с другой стороны. Мы высказываемся против тюрем, как метода наказания: тюрьма никого, конечно, не исправляет и дорого обходится. Мы полагаем, что некоторые методы воздействия на лиц, своим поведением вредящих повому строю, все же останутся. Думается, что может быть применено опубликование в печати в случаях мало-значительных и касающихся рабочей среды. Более крайняя мера — это изгнание из пределов революционной территории; и, наконец, в очень тяжелых случаях — смерть, расстрел. Одно лишь опубликование в печати может рассматриваться, как мера воздействия: ожидается, что для человека провинившегося без злых целей, это выставление его на показ всем людям, среди которых он живет и работает, будет самым верным уроком. Но там, где обнаруживается желание погрязнуть в пороке строю, т. е. сталкиваемся с врагом, — там не должно быть никакого воздействия — наказания в общепринятом смысле: врага не зачем наказывать, его следует уничтожать, от него следует решительно *избавиться*, а поэтому для него либо смерть, либо изгнание в лагерь других врагов, за пределы революционной территории.

Подъитюжим. Надо перестать предлагать себе и уверять других, будто непосредственно за днем революционного переворота настанет идеальное сожительство братьев-людей, на основах полной коммуны и анархии. Такие сказки привлекают в наши ряды множество чуждого нам либерально-буржуазного сброда и затемняют классовую природу анархизма. Необходимо ясно осознать, что „второй день“ и следующий за ним период будут полны величайших затруднений, когда, наряду с попытками строить новую жизнь без хозяев и без правительств, рабочему классу еще долгое время придется выдерживать натиск побежденных господ.

В день переворота борьба классов не отмирает, наоборот, по почину побежденных она разгорается с новой силой, лишь с новым сочетанием среди участников. Нельзя отмахиваться от трудностей переходного периода утверждением, что все устроится. Для этого одно из двух: или надо признать, что *все устроит* какая-то новая группа правителей из анархистов немедленников, и в таком случае нечего сейчас беспокоиться, либо надо допустить, что тысячи и миллионы людей могут в *распыленном виде, вне всякой организации*, неведомо как, внезапно очутиться в наилучшем из миров, где все как то устривается само собой. Последнее предположение до очевидности неверно; от первого же сами немедленники отрешиваются. Следовательно, само собою не устривается и не устроится. Преодолеть затруднения переходного времени можно будет только мак-

симальным напряжением всех способных к организации сил. Отсюда вытекает необходимость сплочения вокруг объединения рабочих союзов, какое бы имя последнему не присвоили.

Помимо обычных производственных объединений, революция вызывает к жизни еще ряд низовых потребительских и иных объединений по территориальному признаку (дом, улица, квартал). Всякая организация исключает возможность неограниченной свободы личности, и даже Штирнера сие не возмущает, возмущаются лишь наши немедленники. Военная обстановка, среди которой придется первое время работать, еще ошутительнее ограничит свободу „личности“. На этом, как и на отсутствии достаточных запасов, возможна спекуляция пришедшегося вraga, который не постесняется выступить под лозунгом ультра-анархистов, если это вносит разложение в революционные ряды. Ответом революционеров должно быть: никакого разбазаривания добытых завоеваний! Никаких привилегий лодырям, хотя бы они наизусть цитировали Фора, Штирнера или Режю! И при малейших попытках грядущих савинковцев поднять руку, замахнуться на новый строй, эту руку надо будет сразу же отсечь. Революционный энтузиазм может много хорошего вызвать в каждом человеке, но заставить переродиться внезапно всех людей никакое чудо не может.

Мы перейдем в следующий за „первым днем“ период с тяжелым наследием навыков и предрассудков, сжившихся с нами с колыбели. Быть может все старое поколение, взрослыми вошедшее в реву, до самой смерти своей, нет-нет, да и будет сбиваться частенько на старый лад там, где строить нужно по новому. Ибо „второй день“ будет, по необходимости, лишь первым приближением к анархистской коммуне, за которым последуют еще и еще дальнейшие приближения, по мере того, как мы на *практике* научимся вытравливать из Федеративного Совета какие бы то ни было элементы власти и по мере того, как воинствующий враг понемногу рассосется и физически отомрет. Продвижение от первого приближения дальше отнюдь не обязательно пойдет путем мирного эволюционирования; нет, от времени до времени, быть может, понадобится новый толчек, в виде маленкой или большой революции, чтобы освободить путь дальнейшему развитию — никакого застоя, никаких застывших форм! Гарантия такого неустанного продвижения вперед должна заключаться в сохранении крепкой, сплоченной организации анархистов, давно порвавшей с попутчиками из либералов и валий-ребятами из „немедленных анархистов“. Гибкая, трезвая анархистская организация и до революции не претендует на всезнайство и всепачение и в вопросах второго дня не замазывает вероятных затруднений, которые должны будут изжиться на опыте усилиями всего рабочего класса, неуспешного ожиданиями манья неbesной с момента переворота. Путь вперед тяжелый. Тем более углубленного внимания требуют к себе вопросы „второго дня“. Ничего путевого, много вредного дает проповедь немедленного анархизма-братства.

Освобождение рабочего класса будет добыто усилиями организаций, обучающихся в борьбе побеждать все трудности.

Хлебник.

Вопросы общественного строительства

Экономические проблемы

ПРОИЗВОДСТВО.

Введение

Опыт империалистической войны, а главное опыт неудавшейся социальной революции в России учит нас многому. И было бы непрослительным и преступным легкомыслием не учесть его и не извлечь из него полезных и ценных уроков на будущее.

Как «критически мыслящая личность», так и каждый человек, не увязший безнадежно в застывшей догме: анархизма, синдикализма, индустриализма, социализма или либерализма, обязан, если он действительно честно исповедует ту или иную социальную теорию, пересмотреть ее основы, проверить их, произвести ревизию. Это необходимо сделать, необходимо именно теперь, сегодня, когда время не успело еще покрыть результаты войн и революций последних лет толстым слоем исторической пыли забвения.

В огне войн и революций была испытана крепость и жизнестойкость всех социальных теорий. И не одна из них не может похвалиться, что она вышла из испытаний огнем целой, невредимой и закаленной, как сталь. В огне мирового военного пожара, в пламени русской революции, зарево которой было видно в самых отдаленных и глухих уголках нашего подлунного мира, сгорело все, что многим дотого казалось железным...

Теперь, когда огненная стихия стихла, вошла в берега и как-будто начинает угасать, перед нами в полной мере развернулась картина разрушения, невиданное зрелище невиданного пожарища. Среди этого великого пожарища материальных и моральных ценностей только кое-где взор находит немногие уцелевшие здания. Огненное море не пощадило их пристроек и их внешней красоты, но сами здания остались почти невредимы и не поддались разрушительной силе огненных волн, ибо из железа и бетона построены были они. Вокруг, вдоль и поперек, в одиночку и толпами, бродят люди, спящиеся от грозной, всепожирающей и незнающей пощады силы огня. Старательно собирают и расценивают они обгоревшие остатки своего имущества. Но среди них есть и такие, кото-

рым и собирать то нечего: так социальный пожар испепелил их здания. У них не осталось никаких ценностей и переоценивать им нечего. Они живут в злобе, ищут поджигателей, чтобы с ними расправиться, когда совершится ожидаемое ими чудо, когда из пепла, как Феникс, воспрянет сгоревшее. Жалкое утешение и тщетная надежда!.. Безвозвратно прошли времена сказочной Эллады и чудесных метаморфоз. Сказка стала сказкой — перестала быть реальностью. Лишний труд возносить и молитвы к богу. Не совершит он чуда: не воскресит монархии. Грозный и беспощадный Иегова, каравший людей потопом и огнем, одряхлел, дух его состарился и сын уже не является ему опорой. Они бесильны, им не по силам воскресить миллионы Лазарей, их именем убитых в империалистической войне, не превратить воды в вино и не накормить пятью хлебами умирающих от голода мужиков необъятной русской равнины. Плохая надежда на небеса — они нуждаются сами в покровительстве земли... А вот другие. Они сидят у руин красивого когда-то храма либерализма. Что можно сделать из остатков, когда их так мало и так они малоценны?! Эти люди не имеют злобы, как первые: они и на это не способны... Как евреи на реках вавилонских, плачут либералы бессильными слезами. Им не вернуться более в прекрасную Иудею: когорты современных Титов разорили ее, разрушили Иерусалим и сожгли храм. И разберлись либералы по лицу земли, некоторые же, главу посыпав пеплом и затянув псалом царя Давида, шествуют в поисках вечного царства Христа, в неведомый град Китеж, в страну Евразию...

У покривившегося здания, вот-вот готового рухнуть, люди в ученых колпаках производят измерения и расчеты, поспешно выносят имущество и вносят в рядом стоящее, но еще более покосившееся здание, почему-то признанное колпаками более устойчивым... Марксисты покидают дворец и переселяются в дом Лассалю. Маркса одели в адвокатский фрак Лассалю, а диктатуру пролетариата в одежды «формальной демократии»... Чтобы дом не рухнул, возводятся подпоры, перебрасываются к потрескавшемуся и облупив-

шемуся зданию капитализма скрепляющие мосты. Готово; работа кончена; здание укреплено... Брошенный дворец коммунисты успели перестроить, согласно плана Маркса, в мрачную казарму, но расчеты оказались неверны: стены распадаются. И они, подобно утопающему, хватаются за соломинку, зовут на помощь тучных людей, собравшихся у входа здания Капитализма; но между ними пропасть; тучные люди жестами указывают на нее; большевики поняли и поспешно перебрасывают через пропасть мост концессий. Но тучные медлят: — они боятся...

Только Анархия, анархо-синдикализм (анархо-индустриализм — тоже) оказались железно-бетонными зданиями, устоявшими перед огненной стихией, **но и они вышли не без повреждений...** И мы не можем, и не должны, оставить их без надлежащего ремонта, мы должны очистить входы и пути к ним от пожарного мусора. Сделать это нам гораздо легче, чем кому бы то ни было, ибо нам нет необходимости рядить Бакунина или Кропоткина в чужие одежды, как это делают социал-демократы с Марксом; нам нет надобности менять фундамент — он сохранился у нашего здания.

1. Основа анархизма — экономика.

Мы начнем с того, что считается основным положением анархизма, что является одним из краеугольных его камней — с экономики. «Экономическое освобождение пролетариата — великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение, как простое средство», гласят статуты Первого Интернационала. Бакунин целиком и без оговорок принял этот пункт и положил его в основу своей системы анархии. Зовущим пролетариат на путь завоевания политических свобод, как необходимых предварительных условий полного освобождения, он отвечает стихом Фрайлиграта: «Не говорите о свободе, нищета есть рабство!»

Бакунин, как никто в то время, ясно понимал, что пролетариат может реально пользоваться политическими свободами только лишь в том случае, когда он является равноправным членом общества и в экономической сфере, в противном же случае, политические свободы для него — почти мертвый дар. В этой плоскости и развернулась его борьба с Марксом в Интернационале. **Экономическое освобождение, экономика — прежде всего, ибо политические свободы неизбежно вытекают из этого освобождения, но не наоборот.**

Здесь Бакунин был более последовательным, так сказать, «марксистом», чем сам Маркс, который забыл свое утверждение,

что экономические формы определяют формы политические...

2. Основной вопрос «второго дня» социальной революции.

Экономика, однако, имеет две стороны: производство и потребление. Какая же, именно, из них являлась для Бакунина главной? Что он положил в основу своей системы анархии: потребление или производство? Иными словами, бакунизм — не потребительский ли коммунизм?

Бакунин никогда не занимался специально проблемой распределения и потребления; мы не найдем у него прямых указаний на этот счет, несмотря на то, что он придавал очень большое значение вопросу о хлебе. Первым шагом революции должно быть обеспечение населения хлебом, ибо «вопрос о хлебе является для него, по справедливости, первым вопросом... «Для всей массы населения..., вопрос хлеба является вопросом умственного освобождения, свободы и человечности»*)

Бакунин прекрасно понимал значение немедленного удовлетворения насущных потребностей воставших масс, но он не менее ясно отдавал себе отчет и в том, что эти потребности не могут быть продолжительно удовлетворяемы, если производство не будет поставлено в центре внимания революции. **Потребительский вопрос для Бакунина разрешался сам собой, если правильно разрешен вопрос производства.**

Чтобы потреблять надо производить; чтобы производить в интересах удовлетворения потребностей трудящихся, а не в интересах обогащения небольшой клики, нужно экспроприировать буржуазию и организовать производство на новых началах. Кто же это может сделать? Производственные рабочие организации. Как должны они это сделать? Так, чтобы «земля принадлежала только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия труда работникам — рабочим ассоциациям; надо, чтобы организация была ничем иным, как свободной федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций)», т. е., в современных условиях и по современной терминологии, необходимо произвести **синдикализацию** производства, поставить производство в основу. Исходя, именно, из этого, Бакунин ставит вторым вопросом революции — досуг: «второй вопрос для народа, это досуг после рабо-

*) М. Бакунин, избранные сочинения, т. 3, стр. 136, 147. «Федерализм, Социализм и Антитеологизм». Изд. «Голос Труда», М.-П., 1920.

ты»... Эти, как теперь называют, синдикалистские мысли красной нитью проходят через все писания Бакунина. Для Бакунина, повидимому, было ясно, что революция увеличит потребление и не сможет удовлетворить его в достаточной степени. Почти точно также решается вопрос и Кропоткиным. Он также, как и Бакунин, считает, что вопрос хлеба будет первым вопросом революции: «Хлеба! хлеба, прежде всего! Революции нужен хлеб!» Кропоткин понимал всю важность этого вопроса, он понимал, что производство во время революции значительно упадет, а потребление возрастет, что придется перенять производство в общественные руки и наладить его на новый манер так, чтобы оно могло удовлетворять потребности всего населения. Но для этой перестройки потребуются годы, а пока все устроится, население принуждено будет голодать. «Что делать?» — спрашивает Кропоткин. И отвечает: — завладеть припасами **«и таким образом пережить критический период»**... По всему видно, что Кропоткин, когда писал свою книгу «Хлеб и Воля», прекрасно понимал первенствующее значение производства, но он не подчеркнул этого, ибо был убежден, что мы настолько богаты и запасы продуктов у нас настолько велики, что революция смело продержится весь **«критический период»**, т. е., по моей терминологии, **переходный период**, в течении которого будет происходить перестройка производства. Именно поэтому Кропоткин так самонадеянно и заявляет: **«Мы имеем дерзость утверждать, что всякий может быть сытым»**... **«Мы решаемся утверждать, что революция может обеспечить каждому помещение, одежду и хлеб»**... Кропоткин не подозревал, что этим заявлением вносил в анархизм **чуждые ему потребительские нотки**, которые вскоре так усилились, что придали анархизму потребительскую физиономию.

Нашились люди, которые постарались потребление положить чуть ли не в основу анархизма, как социологической системы. В результате этого, до последней русской революции, и даже сейчас, одним из основных отличительных признаков анархизма считается примат потребления над производством. Это обстоятельство приводило анархически-малограмотные элементы к восприятию анархического коммунизма, как простой дележки; практическое проявление этого примитивного «анархического» коммунизма имело место в 1918 г. среди московских анархически настроенных рабочих и некоторых московских анархических групп, которые захватывали вещи и раздавали всем же-

лающим. Этот примитивный, «особнячный анархизм», конечно, не может почтяться анархизмом никем, кроме малосознательных элементов и врагов...

Но, к сожалению, потребительские тенденции находят защитников и у людей, хорошо разбирающихся в вопросах анархизма. Для них опыт революции и войны прошел даром. Они до сих пор потребление кладут в основу анархизма и шлют пожелание, чтоб и **возродившееся Международное Товарищество Рабочих** стало на эту точку зрения; т. е. чтоб оно превратилось в потребительский кооператив! И это делается с серьезным видом. Мы не будем доказывать, что **эта точка зрения мелкобуржуазна и реакционна**, не будем потому, что она опровергнута жизнью. В самом деле, надо было проспать годы войны и революции, чтобы вновь тянуть эту песню. Что говорит нам военный опыт? Он говорит против, указанных выше, самоуверенных утверждений Кропоткина. И Кропоткин не скрывает своей ошибки. «Война...», говорит он в предисловии к своей книге: «Поля, фабрики и мастерские», написанном в 1918 году, доказала мировую нехватку хлеба и пищи вообще. Едва потребление усилилось во время войны, как повсеместно оказался недостаток в пищевых продуктах. Соединенные Штаты — эта житница Европы — вынуждены были ограничить у себя потребление хлеба и мяса, чтобы делиться ими с союзниками». Только ли в этом оказался недостаток? О, нет! «То же самое оказалось и со всяким сырьем»... Если Соединенные Штаты ради союзников принуждены были несколько сократить у себя потребление, то можно понять, что союзники у себя сократили его еще больше. О Германии же и говорить не приходится, она, ведь, с первых дней войны ввела пониженные нормы питания. Ну, а Россия? Кто-же не знает, что во время революции не всегда и не каждый был обеспечен даже четверкой «хлеба»...

Что же отсюда следует? А вот что. Во-первых, **«мы вовсе не так богаты, как это кажется»**!) и **казалось**; во-вторых, эта установленная истина обязывает нас, призывающих к социальной революции, знать и не забывать, что не только война, а и **социальная революция неизбежно и значительно повышает потребление и понижает производство**; в третьих, **страна, начавшая социальную революцию, не должна надеяться на приток продуктов из других стран**, так как она, как показал опыт России, **будет находиться во враждебном «капиталистическом окружении»**. Из этих, установленных опытным путем, истин вытекает следующее чрезвычайно важное положение

ние для всех сторонников социальной революции, которое должно лежать в основе всех их действий и стать точкой отправления их работы на второй день после революции: «**социальная революция, где бы она не произошла, должна будет поставить, с самых первых дней, первую свою задачу, — сильно увеличить все свое производство.**» 2)

Вот, следовательно, на что должно быть обращено главное внимание анархистов на второй день после революции — на производство на его правильную организацию, сочетаемую с основными нашими воззрениями и стремлениями.

3. Взаимозависимость производства и потребления.

Итак, основной вопрос революции — производство. Значит ли это, что мы должны ради производства пренебречь всеми другими вопросами, выдвигаемыми социальной революцией? Значит ли это, что мы из производства должны сделать фетиш и все приносить ему в жертву, как большевики: «все для производства», т. е. и жизнь человеческую и интересы человека? Конечно нет. Не люди для производства, а производство для людей. Но мы из общей массы вопросов должны выделить наиболее важные, от правильного разрешения которых зависит успех социальной революции, а, следовательно, свободная и сытая жизнь людей. Поскольку, как мы выяснили, мы не настолько богаты, чтобы жить этим богатством в течение долгого «критического периода», т. е. переходного периода, постольку мы, естественно, должны пожертвовать в известной мере досугом и приналеж на производство, т. е. опять-таки поставить его в центре наших забот. Конечно, потребление точно также не может быть вне сферы наших забот. Наоборот, первый шаг революции, как говорит Бакунин и Кропоткин, слова которых подтвердил русский опыт, это — забота о хлебе. **Организация производства и есть забота о хлебе.** Но чтобы работать, производить — надо есть, потреблять. Мы должны, следовательно, твердо помнить, что **производство и потребление — две стороны одной медали, что они так же неразрывны, как экономика и политика:** одно вытекает из другого, одно служит импульсом другому. Человек имеет потребности, чтобы удовлетворить их он работает, производит. Чем больше он производит, тем больше возрастают потребности, а с ростом потребностей растет и производство.

Без производства человек не может удовлетворять своих потребностей, как не может быть действительно свободным политически, не освободившись экономически; иными словами, как экономическое освобождение неизбежно влечет освобождение политическое, так и производство с той же неизбежностью влечет рост потребностей и их удовлетворение. Производство и потребление — взаимозависимы. Но, как мы считали бы безумием отказ от политических свобод в капиталистическом строе, так точно было-б безумием игнорировать потребительские интересы во время революции.

Наоборот, первый наш шаг в революции — немедленная экспроприация всех готовых средств потребления и, одновременно с организацией производства, организация правильного их учета и распределения. Конечно, если-бы мы были очень богаты, то мы не спешили бы с производством, а налаживали бы его постепенно, с прохладцей, так сказать, уделив большее внимание потреблению, как таковому... Но мы, как видели, не можем позволить себе такой роскоши и вынуждены заняться сейчас же, немедленно, производством — оно основа коммунизма и свободы. **Анархический коммунизм — не учет, а правильное организованное производство, на службе у которого состоит учет.**

Значит, как не прикидывая, а производство, все-таки, выходит главным, основным вопросом не только революции, но и самого анархического коммунизма. **Для нашего строя оно является таким же стовым хребтом, как и для капитализма.** Отсюда вытекает необходимость для всех деятелей социальной революции **быть, в известной мере, знакомым не только с основными принципами производства, но и с его техникой, с техникой отдельных его отраслей,** ибо без практических знаний трудно будет налаживать производство, а нужного кадра инженеров социальная революция, как показал опыт России, не будет иметь: они будут саботировать. Подходя, следовательно, к разрешению вопроса производства, мы должны помнить опыт русской революции. Поскольку классовые интересы квалифицированной технической интеллигенции ближе к интересам буржуазии, постольку можно считать за правило следующее положение, выводимое нами из опыта: **в какой бы стране не произошла социальная революция, как бы не были многочисленны кадры технической интеллигенции, ее будет недостаточно, так как большинство ее будет активно и пассивно саботировать.** Это мы должны всегда учитывать.

1-2) П. А. Кропоткин, «Речи бунтовщика», Петроград-Москва 1921 г. Изд. «Голос Труда».

4. Анархический коммунизм — правильно организованное производство плюс учет.

Мы сказали, что **правильно организованное производство это анархический коммунизм**. Почему мы так говорим? Чтобы ответить на этот вопрос убедительно, мы должны ответить раньше на другой: какую задачу поставил себе анархический коммунизм?

«**Организовать общество таким образом, чтобы каждый индивид, мужчина или женщина, находил, появляясь на свет, почти равные средства для развития своих различных способностей и для их использования своей работой**». Что такое «**равные средства**», как не равное пользование всем накопленным и произведенным богатством? Значит, дело сводится к тому, чтобы каждый человек имел равное право на нужное количество продуктов производства, на право пользоваться материальными и духовными благами. А так как с анархической точки зрения дух материалов, ибо, как говорит Бакунин, факт предшествует идеи, т. е. вначале было дело, а не слово, то и выходит, что все «**равные средства**» ничто иное, как результаты производства, понимаемого в широком значении этого слова. Именно так и в этом смысле Бакунин и определяет задачи производства: «создать такое общество, которое поставило бы всякого индивида, кто бы он ни был, в невозможность эксплуатировать чужую работу, и позволяло бы ему участвовать в пользовании социальными богатствами, лишь постольку, поскольку он непосредственно способствовал их производству». Последние слова этой фразы обуславливают право пользования социальными богатствами, т. е. принцип, по которому должно происходить распределение благ, но сами блага рассматриваются, как продукты человеческой деятельности, производства. Вся задача анархизма, следовательно, и сводится к **правильной организации производства, которая механически определит и характер распределения**. Разрешить эту проблему, значит, осуществить анархический коммунизм. Вот почему мы и говорим: **анархизм есть правильно организованное производство плюс учет**.

6. Что значит «правильно организовать производство»?

Теперь для нас должно быть ясно, что значит правильно организовать производство. Перед нами, следовательно, стоит задача не только постройки новых предпри-

ятий, ремонта старых, пуска в ход остановившихся, не только правильное, рациональное и наиболее продуктивное использование живой человеческой силы, но более трудная задача, более сложная — поставить производство на совершенно новый фундамент, уничтожить старые отношения, возникшие на почве капиталистического производства и возрастить на почве новых основ, более человеческие и справедливые, резко отличные от капиталистических; соединить в одном лице производителя насильственно разединенные труд и капитал; больше того, совместить в одном лице и производителя и потребителя, чтобы их интересы действительно совпадали; организовать спать, искусственно разединенные доселе, промышленность с земледелием; капитализм, кроме того, оставляет нам в наследство хозяйство, которое строилось не в интересах всего населения, а лишь в интересах предпринимательской касты; и когда мы войдем во владение наследством, мы неизбежно должны будем перетасовать хозяйственную колоду согласно живым интересам населения. Сейчас в больших городах, вдали от нужного сырья и топлива, скучены сотни и тысячи всевозможных предприятий; нужно будет рассортировать их, согласно экономической карте, т. е. перевести их к месту добычи нужного им сырья и топлива и территориально, географически сблизить промышленность с земледелием; наконец, нужно организовать новое управление, новую администрацию на совершенно новых началах, согласных с нашими основными принципами. Все эти трудности, и тысячи других, необходимо преодолеть, ибо от их преодоления зависит успех социальной революции и торжество нашего идеала. Опыт русской революции, начавшей эту грандиозную перестройку, обнаруживает перед нами с убедительной ясностью все эти трудности, но он же дает нам возможность учесть его ошибки и установить: во-первых, необходимые предпосылки, без которых это строительство обречено на неуспех, во-вторых, уяснить тормозящие это строительство причины, неизбежно возникающие в процессе социальной революции, где бы она не произошла, в-третьих, определить тот материал, из которого придется строить, в-четвертых, наметить путь подхода и методы строительства и в-пятых, указать возможные конструктивные формы и установить их административное содержание.

Г Максимов.

Принципы синдикализма

Путь синдикализма.

Профессиональные и индустриальные организации на местах.

Объединение всех групп в индустриальных федерации по всей стране на основе истинной автономии.

Объединение местных организаций в Рабочие Биржи.

Члены каждой местной группы самостоятельно решают вопрос о забастовках и о всех собственных делах.

Местные союзы самостоятельно распоряжаются своей кассой.

Воспитание духа самостоятельности у членов.

Отрицание посредничества, представительства и тарифа.

Применение прямого действия: стачка, бойкот, пассивное сопротивление, саботаж.

Только эти средства борьбы ведут к положительным результатам в повседневной борьбе.

Пропаганда и распространение идеи всеобщей стачки.

Изучение вопроса регулирования и общинных дел.

Изучение управления предприятиями и распределения продуктов революционными производственными союзами.

Только эта деятельность и эти средства в состоянии ввести и действительно установить свободное социально-коммунистическое общество.

Рабочие! решайте, желаете ли вы продолжать шествовать по старому гибельному пути, или вы изберете новый путь, путь к свободе и благоденствию всех!

Борьба синдикалистов.

Синдикалисты борются:

Против национализма, потому что он является только фиговым листком для прикрытия узко-эгоистических капиталистических интересов.

Они знакомятся с народоосвобождающей интернациональной работой.

Они борются против всякой формы милитаризма, потому что он ведет к рабству, озверению и поражению.

Они ведут свою борьбу силою своей экономической мощи и при помощи братской солидарности, являющейся могущественным средством.

Они борются против парламентаризма и с басней завоевания политической власти, потому что это буржуазные средства, служащие для того, чтобы издавать законы против пролетариата.

Они не избирают и не избираются в государственные институты, чтобы не подчеркнуть этим справедливости классового господства и наемного рабства.

Они отвергают всякие политические партии, потому что эти партии раскалывают рабочий класс и обманывают обещаниями, которых они никогда не могут сдержать.

Они полагаются только на свои собственные силы и на творческие силы всего трудового народа.

Они борются против централизма, как системы опеки и духовного убожества.

Они стоят на почве федерализма, который один делает возможным прогресс и справедливость.

Если только часть рабочих пойдет по этому новому пути и будет бороться вместе с нами — мы победим.

Что хотят синдикалисты?

Синдикалисты хотят:

Уничтожить денежную систему и систему заработной платы, потому что деньги и заработная плата являются средствами эксплуатации.

Они хотят устранить государство, потому что оно своими судами, тюрьмами, полицией, армией создает возможность эксплуатации и господства над массами.

Они хотят уничтожить частную собственность; землю и недра, а также все предприятия передать в управление физического и умственного труда.

Они хотят свободы коммун и введения в

коммунах свободных советов, они хотят также истинного коммунизма.

Они хотят дать всем людям возможность применить свои способности для всего общества.

Они хотят предоставить всем людям питание по их потребностям, одежду, жилище, образование и довольство.

Они хотят внедрить Знание и Волю в сердца и умы всех рабочих, чтобы на этой базе можно было провести освобождение человечества.

Если ты хочешь того же — иди к нам!
(«Der Syndikalist»).

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Вопросы политической экономии

Рабочая сила.

Если вы — рабочий или работница, ваша жизнь обусловлена трудом, вы должны стать в положение рабочего по отношению к какому-нибудь работодателю.

Чтобы установить такое взаимоотношение, вы должны обладать чем-либо, в чем нуждается работодатель в своем деле. **Вы обладаете способностью производить богатства — рабочей силой.** Это — все, что вы имеете, но это — существенный фактор в индустрии. Фактически, вся капиталистическая индустрия создана на том предположении, что существуют мужчины и женщины, не имеющие других средств к жизни, кроме своей жизненной энергии и рабо-

чей силы, которые они должны предлагать для продажи.

Рабочая сила тружеников чуть ли не во всех индустриях применяется в связи с другими формами силы, как-то: силой пара, электричества, газа, воды, газаolina и лошадей. Рабочая сила отличается от всех этих форм силы, однако, тем, что она не только расходуется разумно, а также направляет, контролирует и применяет другие формы силы.

Мозг рабочего, подобно его рукам и ногам, является фактором в его рабочей силе. Все другие силы могли бы одинаково приносить и пользу и вред, если бы ими не руководила рабочая сила.

Продажа рабочей силы.

Когда вы продаете свою рабочую силу хозяину, вы соглашаетесь предоставить ее в его пользование на обусловленное количество часов в день, обыкновенно на 10, за что он соглашается вам платить оговоренную цену, (известную под именем заработной платы), скажем, 3 дол. в день, или же вы соглашаетесь вложить ее в сырые материалы, которые он предоставляет вам, по определенной цене. В обоих случаях вы продаете хозяину свою рабочую силу, измеряемую или часами или же влагаемую в какойнибудь предмет.

Когда вы продаете рабочую силу, вы пе-

редаете ее работой на условиях продажи. Если кто-либо имеет сахар или мясо или пальто на продажу, вручением вещи покупателю и получением ее цены он заканчивает сделку. Но когда рабочий продает свою рабочую силу, он должен нести ее к месту продажи — в поле, в мастерскую, в шахту или на железную дорогу, — и работать там, пока не истечет законтрактованный период времени, или пока не будет изготовлено определенное количество товара. Одна из особенностей рабочей силы — это то, что она является частью рабочего и не может быть отделена от него.

Рабочая сила — товар.

Все используемые ценности, изготовляемые и предлагаемые на продажу, называются товаром. Капиталистическому производству характерно то, что все его продукты предназначены для меновой торговли — товары, и рабочего по праву считают производителем рабочей силы — меновой ценности. Вещи могут иметь меновую ценность, однако, только тогда, когда они служат определенной цели или потребности. Из этого следует, что рабочая сила дает наемному рабочему свою меновую или рыночную ценность; но взамен меновой ценности хозяин получает потребительскую ценность — право пользоваться рабо-

чей силой определенное время, скажем 10 часов.

Рабочий продает свою рабочую силу и получает взамен плату, на которую он должен удовлетворять все свои потребности и потребности семьи. Хозяин покупает рабочую силу, так как она ему нужна для ведения дела или предприятия, будь это фабрикой, шахтой, железной дорогой или фармой. Даже самое усовершенствованное оборудование не имеет цены, как средство производства богатств, если только магическое влияние рабочей силы не приводит машин в движение. Не мотивами благотворительности руководствуется хозяин,

когда он нанимает рабочего; он должен нанять его, иначе остановится его предприятие. Когда же он нанимает рабочего, он старается купить его по самой низкой цене — другими словами, он старается заплатить минимум того, за что соглашается работать труженик. Но самым меньшим, на что может согласиться рабочий, как правило, является такой заработок, который достаточен для содержания его самого и семьи в соответствии со средним жизненным уровнем среди рабочих.

Этот то жизненный уровень и определяет размер его платы. Рабочее время, необходимое для производства ценностей равным тем, которые потребны для содержания рабочего, и определяет меновую стоимость его рабочей силы, или его заработную плату. Это также определяет

и отношение ценностей всех других товаров одного к другому — количество общественно-необходимого труда, затраченного на них — и, так как рабочая сила — товар, — ее меновая ценность определяется таким же образом.

Но рабочая сила, в отличие от других товаров, будучи частью рабочего, неразрывно связана со стремлениями, надеждами, вожделениями и волей своего обладателя. Иначе говоря, будучи товаром, человеческая сила, тем не менее, имеет человеческие атрибуты, и, будучи неотделимой от рабочего, ставит его тоже в положение товара. В капиталистическом обществе он — не только производитель и продавец товара — рабочей силы — но и сам фактически становится товаром — связкой рабочей силы, завернутой в человеческую кожу.

Рыночные отношения между капиталом и рабочим.

То, что связывает рабочего и его работодателя, — суть рыночные отношения покупателя и продавца. С гуманитарной стороны — они не отношения человека к человеку, а отношения наемного раба к капиталисту-хозяину.

Когда люди говорят, а об этом говорят часто, что капиталистические предприятия преследуют главным образом филантропические цели, что они предоставляют средства для жизни рабочих, — они извращают факты. Все, что капиталисты делают, они делают в своих интересах, а не в интересах предоставления рабочим средств к жизни; они только используют в своих интересах то обстоятельство, что рабочие лишены средств к жизни. Так как нельзя эксплуатировать мертвого рабочего, то необходимо держать его живым, чтобы эксплуатировать и в будущем. Хозяину совсем нет дела до того, как живет рабочий. Как с человеческими существа-

ми, он с ними совсем не считается. Например, если хозяин нуждается в 2 рабочих, а на работу просятся четверо; если двое из них сильны физически, один болен и слаб, а четвертый калека, он наймет двух здоровых рабочих, потому что они обладают тем, в чем нуждается хозяин — рабочей силой. Двое других, если бы даже они находились и в совсем безвыходном положении и нуждались в работе больше, чем другие два, не будут наняты, так как хозяину нужна рабочая сила, а они ее не имеют.

Ни один гуманитарный мотив не руководит хозяином в его производстве: он руководится соображениями только торговли. Чтобы он не покупал — рабочую ли силу, оборудование или сырье, — он старается купить все это как можно дешевле и получить товар наилучшего качества. Он старается платить низкие заработки — низкую цену за рабочую силу — а рабочий желает получить высокую цену.

Вопросы к прочитанному.

1. Что означает выражение «жизнь рабочего обусловлена трудом»?
2. Что такое рабочая сила?
3. Какая разница между рабочей силой и другими силами, как-то: электричеством, паром и т. д.?
4. Как измеряется рабочая сила?
5. Почему хозяин покупает рабочую силу?
6. Какая разница, если вообще она имеется, между рабочей силой и трудом?
7. Что такое товар?

8. Какие цели преследует капиталистическое производство?

9. Может ли вещь иметь меновую ценность, не имея используемой ценности? Почему?

10. Почему рабочий продает свою рабочую силу?

11. Что он получает за нее?

12. Что, вообще, заранее предreshает размер заработка рабочего?

13. Имеют ли рабочий и хозяин одни и те же интересы, когда рабочий просит работы?

Хроника международного рабочего движения

ФРАНЦИЯ.

СКАНДАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

В конце ноября 1924-го года между рабочими консервной фабрики Дуарненеза и хозяевами этой фабрики произошел конфликт на почве оплаты труда. Начавшаяся забастовка протекала нормально до Нового Года. В этот день спокойный ход забастовочной борьбы был нарушен выстрелами в кафе, посещаемого рабочими. Среди раненых оказался коммунистический городской голова города Дуарненеза, Ле. Франшек, и трое других.

Вскоре после этого происшествия было установлено, что „Объединение Реформистских Профессиональных Союзов“ ответственно за совершившееся, и что представитель этой организации специально прибыл в Дуарненез с предложением своих услуг председателю Синдиката Заводчиков этого города на предмет разгрома стачечного движения.

Указанное „Объединение Реформистских Профсоюзов“ является нарывом на теле рабочего движения Франции. Это — желтая организация, главная цель которой, как и „Национальной Конфедерации Труда“ (не смеивать с „Всеобщей Конфедерацией Труда“), — снабжение хозяев штрейкбрехерами, разгром стачек, рабочих собраний и пуск в ход револьверов, когда это окажется необходимым для „дела“. Эти „профсоюзы“ финансируются капиталистами и поддержка их капиталистами дошла до того, что Парижский Муниципалитет предоставлял им бесплатно помещение, имевовавшееся „биржей труда“.

Что же касается их роли в Дуарненезской забастовке, то не долго взяло установить, что штрейкбрехерский „Реформистский Союз“ послал десяток своих мускулистых парней в стачечную полосу для провоцирования беспорядков; им платили по 50 франков в день на человека. Деньгами снабжал Синдикат Заводчиков.

Трое из этих молодцов были арестованы по делу стрельбы и ранения четырех рабочих. Суд присяжных начался 17-го октября и продолжался в течение пяти дней.

Показания свидетеля Безье, являющегося председателем Синдиката Заводчиков, были вполне открытены. Он рассказал всю историю своих переговоров с агентом желтого „Объединения Реформистских Профсоюзов“ Рейнье, которому он выдал 4.000 франков для привоза своих парней. Свидетель principially заявил, что Рейнье и его люди сделали много хорошего для хозяев!

Ряд свидетельских показаний неопровержимо установили мерзкую роль, сыгранную во время Дуарненезской забастовки этой бандой убийц из желтых „профсоюзов“ и их работодателями из Синдиката Заводчиков.

Главным свидетелем защиты был пресловутый журналист Лизие, редактор „La Démocratie Nouvelle“ („Новая Демократия“), стоил фашизма во Франции, прежний сотрудник „Герр Социал“ Гюстава Эрве и „Юманите“. Этот ренегат заявил на суде, что штрейк-

брехеры исполнили свой долг, и что он гордится, что его газета предприняла защиту трех подсудимых и их семейств.

Председательствующий судья открыто и цинично высказался в пользу штрейкбрехеров и лишь удивлялся тому, как они смеют нападать на хозяев и на орудия этих последних! Однако, прокурор вынужден был заявить, что стрельба была актом коллективного человекоубийства, совершенным с намерением убить!

Тем не менее, после менее чем 15-ти минутного совещания, присяжные вынесли оправдательный приговор...

Факты лишний раз подтверждают теорию. Государство есть лишь подпора для капитализма и „правосудие“, в лице судов, судей и трибуналов, не позволяет наказывать своих защитников, борющихся против полупроизволенный рабочего класса, который иногда имеет нахальство отказываться умереть с голода!

* * *

В городе Нанте союз портовых рабочих решил, в виду хронической безработицы в доках, отменить сверхурочные работы. И когда восьмой час работы пестек, члены указанного союза покинули работу, тогда как так-называемые „месячники“, (род штрейкбрехеров, рекрутируемые работодателями на месячные жалованье: тип односторонний с Дуарненезским штрейкбрехерами), по приказу хозяина, продолжали работать сверх восьми часов. Секретари союза портовых рабочих, случайно находившиеся при этом, обменялись несколькими замечаниями с оставшимися на работе, указывая им на не-правильность их не-солидарного поступка. Пока этот разговор продолжался, несколько рабочих начали драку. В результате не только четверо дравшихся рабочих — члены союза — были присуждены к шести-дневному заключению за „противодействие свободе труда“, но и оба секретаря, абсолютно непричастные к драке, получили по 15 дней тюрьмы за то, что — как говорится в приговоре — они *правственно* ответственные, ибо они профсоюзные должностные лица!

Приговоры этих двух судебных процессов — в Дуарненезе и в Нанте — лишь вариации одного и того-же мотива. Рабочие всегда неправы при современном правосудии, даже когда в них стреляют и убивают.

* * *

Но нам нужно сказать еще об одном процессе, еще не законченном, и указывающем на другую сторону „правосудия“, как его понимают псевдо-рабочие вожди и партии.

Все помнят, что 11-го января 1924-го года, на собрании, устроенном французскими коммунистами в Доме Союзов Парижа, были убиты, в самом зале, из револьвера коммуниста, два наших товарища. Расстрел был, повидному, предварительно организован, что является из того, что стрельба началась по сигналу, данному коммунистическим вождем, „капитаном“ Трои.

Наши товарищи — (анархисты и революционные синдикалисты) — отказались дать какие бы то ни было по-

казанья полицейским властям, организовавшим официальное расследование. Это расследование, благодаря тому, что все отказались давать показания, в скором времени закончилось ничем. Агитация, однако, продолжалась внутри самого рабочего движения, создалось течение, требовавшее чтобы сами синдикалисты, (ввиду того, что стрельба произошла в Доме Союзов), учредили расследование с целью заклеить не только непосредственного убийцу и исключить его из рабочего движения, но и саму Коммунистическую Партию Франции, непосредственно спровоцировавшую беспорядки и *подготавливая* убийство.

Унитарная Конфедерация Труда (С.Ж.Т.Ю.) была, в конце концов, вынуждена действовать; она создала особую следственную комиссию, в которой коммунисты, разумеется, были в большинстве. Тем не менее, показания ряда свидетелей и *самого убийцы* носили такой характер, что никакого сомнения не оставалось относительно того, кто были инициаторами убийства 11-го января. Комиссия составленная, как мы уже говорили, в большинстве из коммунистов, решила положить дело под сукно. Факт этот сам по себе уже являлся доказательством того, что коммунисты считали себя виновными. И действительно, убийца в скором времени вышел из С. Ж. Т. Ю. и из коммунистической партии. Оба эти учреждения были слишком трусливы, чтобы его исключить. Имя убийцы было известно во всех рабочих кругах Парижа; носились слухи, что Советское правительство предлагало этому человеку поехать в Россию, где ему гарантировалась безопасность.

В „*Либертере*“, после туманных постановлений следственной комиссии, появился ряд заметок, подписанных П. Бенар'ом и тремя другими товарищами, связанными с делом 11-го января. Коммунист *Габриэль Дюкэр* принял на свой счет намеки о личности убийцы, имеющиеся в этих заметках, и решил отдать этих товарищей под суд за клевету. И действительно, этот бывший секретарь Унитарного Профсоюза Железнодорожников (примыкающего к С. Ж. Т. Ю.) передал свою жалобу на рассмотрение буржуазного суда. Дело это начато *по указанию французской Коммунистической партии*, пытающейся этим путем зажать рот нашим товарищам, пожелавшим раскрыть тайну и установить действительных убийц двух рабочих. Нам всем, понятно, известно, что для большевиков все способы хороши, лишь бы удалось скрыть правду. Вожди французской Компартии преисполнены нападками против „классовых приговоров“, против „буржуазного правосудия“ и т. п. Они требуют замены таковых „революционными трибуналами“ (читай: Чекой), которые без лишних слов покончили бы с нашими товарищами в истинно московском стиле. Но пока этого нет, пока они еще не имеют в своих руках орудия борьбы с рево-

люционными синдикалистами, они не брезгают обращаться к буржуазным судам.

Вышеуказанные четверо обвиняемых товарищей, в своем заявлении суду, категорически требуют передачи дела на рассмотрение суда присяжных. Иначе они отказываются от всякого участия в суде. Они, между прочим, в своем заявлении пишут следующее:

„Вопреки традициям французского и международного рабочего движения, г-н Габриэль Дюкэр, побуждаемый французской Коммунистической партией, начал процесс против нас... Ложно-ли или правильно, но общественные слухи возлагают на некоторых личностей тяжелую ответственность в деле убийства наших товарищей *Помеэ* и *Кло...* Наш обвинитель смущен этими слухами. Он, несомненно, придаст им крупное значение, ибо он вышел из состава Коммунистической партии и С. Ж. Т. Ю.... Постольку поскольку он обращается к Вашему правосудию, мы не сомневаемся в том, что г-н Дюкэр озабочен пролить полный свет на это дело. Мы убеждены, что он спонтанно поддержит наше требование (о передаче дела в суд присяжных). Это является единственным способом, которым он сможет установить свою невинность и заклеить своих обвинителей.

Дело, начатое сегодня перед Вами, переходит за пределы личности, присутствующих здесь. В действительности, мы имеем Коммунистический Интернационал и французскую Коммунистическую Партию с одной стороны, и революционных синдикалистов с другой, стоящих в этом деле, *основным элементом которого является убийство двух рабочих*, друг против друга“.

Судья отложил решение по вопросу о его компетенции. Если он решит, что дело не выходит из области его компетенции, наши товарищи демонстративно откажутся участвовать в дальнейших стадиях процесса, который будет лишь карикатурой. Характерно, что адвокат, представляющий интересы этого подозрительного типа, Дюкэра, отказался согласиться с требованием наших товарищей о передаче дела в суд присяжных. Это само показывает, что коммунисты очень заинтересованы замаять правду об убийстве двух рабочих одним из их соратников.

Как бы не окончилось это грустное дело, *рабочее правосудие* уже вынесло свой приговор: коммунистические убийцы заклеены всеми течениями рабочего движения. Коммунистическая Партия пригвождена к позорному столбу, как самое лицемерное учреждение нашего времени. И в деле „правосудия“ штрейкбрехеры Дуарнеза и погромщики революционного движения из „Юманите“ стоят в очень близкой связи друг с другом и в стенах капиталистического и буржуазного правосудия, через головы революционных рабочих, которых и те и другие истребляют, они подают друг другу руки.

А. Ш.

ШВЕЦИЯ.

Рост синдикалистских организаций.

Рост шведского синдикалистского движения выдвигает необходимость увеличения и расширения организационных средств. Майский конгресс постановил приступить к постройке собственного дома. Это постановление конгресса утверждено референдумом и новый дом, соб-

ственность шведской синдикалистской организации, построен в центре Стокгольма. В этом доме с удобствами могут помещаться ежедневная газета, типография и административное бюро, кроме того, дом еще располагает двумя залами для собраний, одно из коих свободно может вместить около 300 человек.

Регистрация штрейкбрехеров.

Синдикалистская организация Швеции уж с давних пор прибегает к именной регистрации штрейкбрехеров, как к средству борьбы с ними. Опубликованием имен штрейкбрехеров рабочие ставятся в известность об этих предателях пролетариата. В норвежском городе *Бергене* товарищи синдикалисты уже издали целую книгу с указанием имен и адресов штрейкбрехеров.

При последней атаке или бойкоте снова появилось некоторое число штрейкбрехеров и нарушителей бойкота. Поэтому и реформистские организации вынуждены были поставить у себя вопрос о штрейкбрехерстве. Они написали своим отделам циркулярное письмо, в котором просят указать имена штрейкбрехеров за последний год. На основании этих указаний будет установлена одна общая для всей страны регистрация штрейкбрехеров. Редакция синдикалистской газеты „*Арбетарен*“ обратилась к секретарям различных союзов с запросом об их мнении по этому вопросу. Последние почти отовсюду ответили, что над установкой такой регистрации стоит поработать. Было выражено мнение, что такая регистрация штрейкбрехеров, если она действительно должна быть, должна охватывать все экономические организации страны, включая и синдикалистов. Такая регистрация должна регулярно публиковаться или в виде журнала, или в виде книги с указанием имен и адресов, а также по возможности и с фотографиями штрейкбрехеров. Таким образом, путем широкого опубликования можно будет в глазах рабочих заклеить штрейкбрехеров.

Каждая организация должна иметь по экземпляру такого издания.

Наши товарищи синдикалисты, чтобы положить конец штрейкбрехерству в мастерских, с большим рвением примутся за это дело.

Реформисты против единого фронта рабочих.

Организованные рабочие Швеции образовали во многих городах картели под названием „Центральная организация профсоюзов“, в которых представлены все эко-

номические организации. Это делается главным образом для установления рабочего содружества между централистскими и синдикалистскими союзами. Эти рабочие содружества были основаны для практических целей на почве соблюдения абсолютной самостоятельности каждой стечальной организации. Этот единый фронт рабочих до того не поправился вождям централистских союзов, что Правление реформистской национальной организации возмало по всем своим местным отделам следующее письмо:

„До нашего сведения дошло, что синдикалистские организации состоят в контакте с вашими организациями, благодаря этому совместно работают в союзах, входящих в состав национальной организации и осуществляют синдикалистское обособление организаций. Это находится в прямом противоречии с постановлениями конгресса национальной организации и с общепринятыми организационными принципами, согласно которым никакое рабочее содружество с обособленными организациями недопустимо. На основании этого правление постановило потребовать от вас принятия мер к исключению синдикалистских организаций из местных картелей рабочего содружества“. — *Арвид Торберг*, секретарь национальной организации.

На это „*Арбетарен*“, орган шведских синдикалистов, отвечает следующее:

„Профсоюзные картели, которые возникли в различных местах страны, вызваны чисто практическими требованиями жизни. Они есть следствие тяжело приобретенного опыта рабочих, верно, что такой вопрос, как единая организация, требует всестороннего обсуждения, верно, что ситуация требует нерушимого единства рабочих на местах. Эти объединения продукт необходимости повседневной борьбы.

Непринято, чтобы рабочие централистских организаций не слушались приказа своего центрального правления, однако, интересы рабочего класса стоят выше властолюбия вождей централистских союзов.“

(*Бюллетень М. Т. Р.*)

ПОРТУГАЛИЯ.

Конгресс Главной Конфедерации Труда.

Конгресс португальской Конфедерации Труда состоялся (22—29 сентября) в Сантареме. Этот конгресс является межвым столбом в истории синдикалистской организации Португалии. Этим конгрессом португальский пролетариат, объединенный Главной Конфедерацией Труда, дал блестящее доказательство своей способности ясно понимать проблемы, волнующие ныне рабочее движение. А это, в той тяжелой обстановке, в которой ныне находится рабочий класс, имеет огромное значение. Дебаты конгресса носили весьма серьезный характер. Если конгресс 1923 года, состоявшийся в Ковиле (*Covilha*), твердо установил линию направления рабочего движения Португалии, то только что закончившийся конгресс, обогащенный опытом последних лет, твердо установил правильность основных принципов синдикализма. Мы с удовлетворением констатируем, что, независимо от всех двусмысленных связей и всякой политической опеки, в Португалии уже с давних пор господствует единый фронт рабочего класса. Этот единый фронт, который все еще

является предметом интриг и болтовни москвичей, был здесь основан на почве классовой борьбы и прямого действия против предпринимателей, государства и всякого угнетения.

То замечательное моральное единство, которое царствовало на конгрессе, совершенно связало руки и зажала рот большевикам, имевшим намерение, после получения приказа из Москвы, действовать.

Конгресс, радужным приемом представлял М. Т. Р., тов. Борги, еще раз засвидетельствовал свои симпатии к М. Т. Р. и с воодушевлением утвердил вступление Г. К. Т. в ряды Международного Товарищества Рабочих. Португальская организация принадлежит к лучшим секциям М. Т. Р. члены португальской Конфедерации Труда исполнены боевого духа и вполне сознают свою революционную миссию. И если в недрах будущего таится большая опасность, ибо националистическая буржуазия и милитаристская клика мечтает о преториванской диктатуре, на манер Испании, то можно быть вполне уверенным, что мужественные португальские рабочие, объеди-

ленные Главной Конфедерацией Труда, смогут уничтожить все темные планы капиталистической и милитаристской реакции.

На конгрессе присутствовало 161 делегат. Отдельные профессии или производственные союзы одного места посылали общего представителя, так что благодаря этому на нем были представлены рабочие биржи, профессиональные союзы и местные синдикаты. М. Т. Р. было представлено тов. А. Борги. Синдикалистская федерация молодежи Португалии также была представлена и допущена к работам съезда с правом совещательного голоса.

Съезд прежде всего занялся вопросом о политических преследованиях, об арестованных и сосланных в африканские колонии. Эти преследования начались после событий 18-го апреля. Было постановлено предпринять, в целях освобождения заключенных и сосланных, самую энергичную пропаганду и агитацию.

В соответствии с этим было предложено, чтобы М. Т. Р. организовало интернациональную кампанию против международной реакции за освобождение жертв классово-вой борьбы, томимых в капиталистических тюрьмах.

Секретарь Главной Конфедерации Труда, Мануэл да-Силва Кампос, в своем отчете указал на маневр коммунистов в федерации моряков. Конгресс осудил образ действия москвичей, ведущий к откоду моряков от Главной Конфедерации Труда. Огромное число местных групп федерации моряков, однако, не держит путь в Москву. Представители этих групп выступили на конгрессе против волеи своей федерации, ведущих, во имя „единого фронта“, к расколу. Представители этих местных групп снова подтвердили свое вхождение в состав Главной Конфедерации Труда. Отколовшимся местным группам дан тридцатидневный срок, в течении которого они имеют возможность вновь присоединиться к Главной Конфедерации Труда; если же этого не произойдет, то Главная Конфедерация Труда организует новую федерацию моряков, из групп оставшихся ей верными.

Конгрессом принято предложение издавать особый выпуск ежедневной газеты „Баталья“ для северной части страны; это предложение было поддержано и Правлением Г. К. Т., которое обязуется провести его в жизнь при первой возможности.

Общий отчет правления Г. К. Т., а также финансовый отчет и линия поведения Г. К. Т. за истекший период одобрены единогласно. Отчет делегации на второй конгресс М. Т. Р. точно также был принят единогласно.

В порядке дня съезда стояли следующие вопросы:

1. *Социальная организация синдикалистов.* Под этим разумелось строительство Г. К. Т.; были приняты некоторые изменения в статутах.

2. *Кризис и продолжительность рабочего дня.*

Было указано, что укорочение рабочего времени, по крайней мере до 8-ми часов, без всяких исключений и

сверхурочных, есть важнейшее требование, осуществление которого воспрепятствует росту безработицы и даст, в результате получающегося излишка свободных рабочих часов, возможность безработным найти работу. Против безработицы, которая еще не обострилась, решено потребовать организации общественных работ.

3. *Промышленная тишина.* Ввиду антигигиенических условий, царящих в португальской промышленности, решено выставить ряд требований, ведущих к улучшению в этой области.

Что касается 4-го пункта — *женский и детский труд*, то этот вопрос был тщательно обсужден и были приняты поправки к отдельным пунктам, выработанным особой комиссией, которые конгресс принял целиком с некоторыми незначительными изменениями. При этом было указано, что революционно-синдикалистская Конфедерация Труда, являясь единственной организацией, объединяющей всех рабочих страны, должна заниматься всеми теми вопросами, которыми занимаются реформистские организации стран, в которых они объединяют большинство рабочего класса. Однако, реформистские союзы все эти вопросы решают через *социальное законодательство* и участие в нем, конгресс же отвергает всякое участие в социальном законодательстве капиталистического государства и апеллирует к прямому действию рабочих. Нужно проводить улучшение условий работы непосредственно на местах.

5. *Просвещение и воспитание рабочих.* Этот вопрос имеет особую важность для португальского пролетариата, так как неграмотность в Португалии огромная и господствующие классы умышленно держат трудовой народ в невежестве. Был выработан план воспитания в духе классового самосознания, который должен быть осуществлен союзами.

6. *Эмиграция рабочих и рабочей силы.* При обсуждении этого вопроса было постановлено: „Г. К. Т. рекомендует М. Т. Р. рассылать входящим в него организациям статистические сведения о высоте заработной платы и об условиях труда в различных странах“. Для того, чтобы М. Т. Р. могло выполнить эту задачу, необходимо, чтобы национальные организации регулярно, в определенный срок доставляли в М. Т. Р. такие сведения.

7. *Условия труда в колониях.* Из резолюции по этому вопросу приведем следующее место, представляющее общий интерес:

„Конгресс постановляет, чтобы Г. К. Т., через входящие в ее состав союзы, настояла на урегулировании рабочего времени черных рабов и для достижения этой цели организовав демонстрации протеста против деспотизма в Африке над нашими черными братьями“. Далее было предложено поручить М. Т. Р. организовать из входящих в него национальных организаций, страны которых имеют колониальные владения, комиссию по изучению этого вопроса.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

ЧИЛИ.

Икикская трагедия, фашизм.

Икик, город селитрового бассейна Чили, заслуживает быть отмеченным в анналах революционного движения;

этот город — город трагедий пролетариата, он является также и родиной пропаганды самосвободения, которую не могла потушить рабочей кровью тирания страны.

В начале 1908 г. рабочие селитровых предприятий предъявили своим эксплуататорам требование повышения

заработной платы, сокращения рабочего дня и устройства помещения для вечернего курса работ. Предприниматели решительным образом отвергли эти требования; рабочие объявили забастовку, оставили рудники и сконцентрировались в Иквике. Городская администрация предоставила в их распоряжение здание школы, которая стала главной квартирой бастующих. Буржуазия, обеспокоенная боевым настроением рабочих, потребовала применения к ним особых мер.

Губернатор запретил всякие собрания, превышающие 6 человек, и попросил у сан-ягской администрации подкрепления. Стачечники, когда полиция стала препятствовать их хождению по улицам, искали убежища в помещении, где расположился стачечный комитет. Вскоре на военном корабле прибыл генерал Сильва Ренард с 1.500 солдатами; Сильва Ренард приказал бастующим покинуть школу, в которой они находились, а так как они не сразу послушались, то он установил против школы пушки и приказал солдатам открыть по ней огонь. В результате свыше 400 рабочих было убито и 600 ранено. Говорят, что 20 солдат, воспротивившихся этой зверской расправе, немедленно были казнены.

Эта кровавая баня наша откликнулась у американского пролетариата. Чилийское правительство, сочинив террористический заговор, усиленно преследование анархической пропаганды, закрыло прессу, изгнало и сослало в ссылку деятельных товарищей; однако, спустя некоторое время, революционное движение возродилось и стало еще крепче, чем было до вышеописанной бойни. Иквик снова стал самым значительным пунктом анархической пропаганды. Несколько лет тому назад возникла ежедневная газета „Эль Сурко“ („Возрожда“); борьба с полицейским произволом была главной задачей наших тамошних товарищей. Они почти всегда имели в своем распоряжении один орган печати, существование которого приходилось отстаивать с большими жертвами. В начале 1922 года появилась еженедельный журнал („Эль Сембрадор“), „Сеятель“, который в 1924 году был перенесен в Вальпарайзо; на его месте возникла другая газета („Эль Сурко“) „Возрожда“, которая выходила до диктаторства Алессандри и усиления милитаристской камариллы, удушившей всю свободную прессу. Новая трагедия в Иквике повергла пролетариат в траур.

Чилийское правительство по самым ничтожным мотивам, без всякого основания, исключительно с целью уничтожения рабочего движения в селеитровой зоне провинции Тариака, подготовило достопамятную кровавую баню. В первые дни июля месяца этого года тысячи солдат, вооруженные тяжелой артиллерией, как будто шли на войну, были посланы для истребления рабочих селеитровой области. Весть о кровопролитии в Иквике быстро распространилась и скоро вспыхнула всеобщая стачка. Правительство запретило анархическую и коммунистическую прессу, а профессиональные союзы в знак протеста прекратили работу. Преследования начались не только в Иквике, но и по всей стране. Предлогом со стороны правительства было то, что горнодобывающие намерены свалить Бюро могущественнейших селеитровых предприятий („Компания Корунда“), и что они были хорошо вооружены и готовили революцию в Чили; но доказательство того, что это бесстыдная ложь, вытекает из того факта, что войска не потеряли ни одного солдата; храб-

рые чилийские солдаты, поклонники прусского режима, в награду за это, убили и ранили, страшно даже сказать, 2.000 человек! Распространение правительством сказки есть подлость. Конечно, военная диктатура не могла воспрепятствовать восстановлению сил борющегося пролетариата, но то, что ей не удалось, удалось достигнуть перебежчику Астуро Алессандри. Наша пресса была богато представлена; имелось шесть или семь анархических органов с собственными типографиями в Иквике и Вальпарайзо, в настоящее же время только в Вальпарайзо существует один профессиональный орган, — орган моряков.

Здесь следует привести некоторые факты, рассказанные некоторыми вырвавшимися из человеческой бойни, произошедшей в Пампа (см. „Ля Протеста“, Буэнос-Айрес, 19 июля 1925):

„Число жертв превышает 2.000, в большинстве это — женщины и дети. — При данных условиях и при образе поведения войск, присланных для подавления стачки, иначе и быть не могло. Для того, чтобы можно было убивать рабочих, не подвергаясь с их стороны опасности, пехота в первый момент не была пущена в дело, а была выставлена артиллерия.

Ввиду такого приготовления наши несчастные товарищи заранее поняли ужасную правду, и они, надеясь на пробуждение чувства сострадания, присутствующего каждому нормальному человеку, выставили вперед женщин и детей; но они не учли, что военная дисциплина из человека делает хищного зверя... Начальник артиллерии приказал открыть огонь и картечь совершила свою ужасную работу"... Героем дня на этот раз был генерал Де-Ля-Гвардия.

После этой кровавой бани начались ужасные преследования оставшихся в живых. В половине июля этого года более 500 семейств были отправлены в Сант-Яго; обвиняются они в участии в совершенной „революции“. Огромное число товарищей были заключены на военные корабли и что стало с ними — неизвестно...

Среди учителей, на почве чисто педагогических требований, возникло движение, и они в Вальпарайзо решили объединиться и обратиться к профсоюзам с просьбой о помощи в борьбе с проэктуруемыми правительством реакционными реформами; за это „преступление“ городское управление уволило со службы семь учителей. В целях оказания правительству содействия в его антипролетарской работе образовались фашистские группы, которые открыто требуют голов революционных пропагандистов, обвиняемых ими в том, что они подкуплены перуанским золотом. Перед нами лежит манифест, опубликованный в Вальпарайзо, под ним стоит подпись — „Чилийская гвардия“, в этом документе пишется: „Анархическая и большевистская пропаганда все еще проникает в Чили. Война подкупленным перуанским золотом!“ Этот подлый документ есть плод жажды пролетарской крови со стороны чилийской буржуазии и правительства.

Полного обзора всех несчастий, причиненных бешеной реакцией в Чили, с момента милитаристского переворота, еще нельзя дать. Новая трагедия в Иквике вызвала в Америке негодование. Ф. О. Р. А. организовала по всей стране, исключая Буэнос-Айрес, где полиция недопускает никаких митингов, ряд митингов протеста

против чилийского правительства. Национальная федерация рабочих Уругвая также провела большую агитационную кампанию.

ПЕРУ.

Положение революционного движения.

Мы говорили о предлоге, который послужил чилийскому правительству поводом для преследования революционных рабочих, которых оно обвинило в подкупе перуанским золотом. Тот же самый предлог сослужил службу и для правительства Перу, обвинившем наших товарищей в подкупе чилийским золотом. События в Такуа и Арика служат для реакционных элементов Чили и Перу постоянным поводом для шовинистической пропаганды; уже несколько лет над пролетариатом этих стран висит опасность войны. Отравление общественной психологии шовинизмом принимает все большие размеры. Анархические группы Перу прислали нам протест против националистической лжи и издали воззвание к международному пролетариату, призывая совместными усилиями воспрепятствовать новой войне, которая явится искупительной жертвой государственных привилегий, и сохранении коих пролетариат менее всего заинтересован. Перу является такой же страной, где пролетариат не менее, чем в других странах, страдает от правительства и беззастыдливого капитализма. Наши товарищи не падают духом, страдая от преследований, они мужественно дают отпор, устранив одно за другим препятствия, возводимые правительством. На протяжении последних лет притеснения со стороны правительства возрасли; но хуже всего, хуже преследований правительства — предательства некоторых, так-называемых, анархистов и подчинение приказам Москвы. Рабочая федерация Лимы, основанная нашими товарищами, в настоящее время находится в руках двуличных элементов, однако, московское господство, которому содействует реакционный президент Легия, не может долго продолжаться, уже заметны признаки его упадка. Среди профессиональных союзов, оставшихся верными своим антиавторитарным традициям, не считая анархических групп Лимы, Каллао, Мирафлорес, Арекипы и др., находятся строительные рабочие, плотники и некоторые др. союзы. По сведениям некоторых товарищей, союз строительных рабочих основан в Лиме, а также в Каллао и Мирафлорес, союзы различных мастеровских и намерен это сделать и в других городах. Несколько лет тому назад в Арекипе была основана анархическая группа, которая помогла организовать некоторые профессиональные союзы и издавала много газет, среди которых „Солидарidad и Культура“ („Солидарность и Культура“) для анархической пропаганды, а „Федерал“ для пропаганды свободных профессиональных союзов; затем она содействовала организации местной рабочей федерации, в состав которой вошло более десяти профсоюзов.

Развитие в Арекипе весьма значительной рабочей организации обеспокоило буржуазию. В столкновении, возникшем в гаване Моллендо, она хотела найти предлог для подавления организованных рабочих и уничтожения в Арекипе пропагандистских ячеек. Этот предлог представляло им простое сообщение железнодорожных рабочих юга, имевших главную квартиру в Арекипе, о

присоединении к И. Р. М. Чили. Вслед за этим начальство арестовало членов комитета и объявило их врагами отечества, оплаченными чилийским золотом. Благодаря этому обстоятельству в области Арекипы усилилась полицейская реакция, которая думит всякий революционный зародыш, но она разобьется о стойкость наших товарищей.

Если в настоящее время пропаганда в Перу будет сильно преследоваться деспотическим правительством, то это отнюдь не значит, что мы должны опасаться за жизнь нашего перуанского движения. Мы твердо убеждены, что наши товарищи там разовьют победную борьбу за Международное Товарищество Рабочих. Д. А. де С.

БРАЗИЛИЯ.

РАБОЧАЯ БОРЬБА.

Продолжают поступать новые сведения о тяжелом положении рабочих в Бразилии. Хуже всего, конечно, рабочим-эмигрантам, *Сапожники* в Порто-Алгере принуждены были вступить в забастовку из-за уменьшения заработной платы всего лишь на пару копеек. Забастовка закончилась компромиссом. *Портные* также страдают от тяжелых условий работы и низкой заработной платы. Всякое описание условий работ портных на-дому будет звучать насмешкой, они должны работать 10—12 ч. в сутки за 15—30 (120—220 милрейс) долларов в месяц, а цены на предметы потребления такие же высокие, как в большинстве европейских стран. *Швеи* зарабатывают 1½ до 3 милрейсов (18—36 сентов) в день. В целях улучшения условий труда и увеличения заработной платы, портные также вступили в забастовку. — *Булочники* Порто-Алгере в целях защиты своих интересов вынуждены объявить стачку.

Преследования.

В тюрьмах Рио-де-Жанейро сидит много анархо-спидкалистов, многие сосланы в штат Пара, что на границе французской Гвианы, а некоторые на остров Тринидад. Последние находятся вот уже 9 месяцев в ужасных условиях: без одежды, без белья. Среди сосланных находится профессор Отойчика, преследуемый за антиимпериализм.

(Бюллетень М. Т. Р.)

К Р И К О П О М О Щ И Н .

(Письмо рабочих) *

Дорогие товарищи!

Узнавши ваш адрес, спешим вам написать про наше положение в Бразилии. Любезно просим указать нам ту дорогу, на которую нам можно было бы выйти и улучшить свое житье. Сообщаем вам, что мы рабочие люди, которые работают на фабриках и набирают на своих руках мозоли за то только, чтоб не быть голодными и голыми, а чтоб приобрести какую лишнюю копейку на будущую жизнь, то невозможно, ибо на бразильских фабриках сильно плохо платят рабочему человеку.

И вот уже пять с половиною месяцев не работаем, хо-

* Публикуем с сохранением стиля оригинала. Обращаем внимание русских товарищей на судьбу своих соотечественников в Бразилии. Призываем оказать помощь потерпевшим, организацией предприятий и пр. — Редакция.

зюва выбросили всех рабочих на улицу за то, что рабочие люди просили повышения платы; теперь каждый рабочий ходит от фабрики к фабрике, а работы не получает; даже не хотят, чтобы человек работал только за харчи; отдает свои руки даром — никто не берет. Хозяева хотят до тех пор не принимать рабочих, пока они не намотаются голодом, ибо они знают, что в Бразилии нет комитетов, которые помогли бы рабочим, вот они и томят рабочих до тех пор, пока рабочий придет к ним даром работать.

Среди наших русских рабочих имеется много семейных, которым трудно приходится день прожить, ибо последние копейка выходит из кармана. А этот год сильно трудно покупать хлеб, ибо сильно дорого, потому что в этом году была саранча, которая много хлеба съела, а где голюшко попортила, так там мало что было жать. В тех местах, где совсем саранча съела, рабочие сильно в настоящее время страдают, ибо нет хлеба, чтобы как-нибудь прожить такое трудное время. У многих граждан нет для посева зерна, а не то чтоб было что кушать. И вот, поэтому сильно дорог хлеб, что не докупиться, а тут еще безработица, каждый рабочий доедает последние копейки.

Дорогие товарищи рабочие, любезно вас просим нам помочь, может имеется комитет, то мы сильно просим, что бы вы ему сообщили на счет нас рабочих, который мог бы пойти нам на встречу и помог бы нам бороться с голодом. Может он бы мог собрать средства для нас, рабочих анархистов, которые борются против ига капитала. И любезно вас, дорогие товарищи, просим, чтоб сообщили комитету о нашей беде, которая в настоящее время наступает для нас рабочих; и очень просим, товарищи, помочь нам, ибо у нас нету средств для дальнейшего существования.

Просим прислать нам несколько номеров рабочего журнала „Голос Трудящего“, мы очень такими журналами дорожим, ибо это наше оружие против капитала.

С братским приветом к вам

9 ноября 1925 г.

Секретарь.

Наш адрес:

Snr. Miguel Deineca
Colonia Guarany—Campina
Est. Rio Grande do Sul. BRASIL.

ВСЕАМЕРИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ РАБОЧИХ СОЮЗОВ ЛАТИНСКИХ СТРАН.

В первых числах ноября в Панаме должна была состояться конференция революционных профсоюзов латинских стран Америки. (Результаты этой конференции нам пока неизвестны). Эта конференция должна выработать основные положения для ближайшего континентального конгресса. Инициаторами и устроителями конференции являются Главная Конфедерация Труда Мексики и Ф. О. Р. А. — национальная рабочая организация Аргентины. Товарищи из Уругвая уже высказали удовлетворение и свой взгляд на такую конференцию. Они будут на ней представлены.

Даже в том случае, если конференция не будет успешна, что вполне возможно, потому что чрезвычайно тяжелое положение нашего движения в Бразилии, Уругвае, Чили, Боливии, Эквадоре и т. д. не даст возможности этим странам богато быть представленными на конференции,

она все же будет иметь большое значение для установления связей со средне-американскими и тихоокеанскими странами Америки, которые до сих пор находятся вне сферы революционного мира и являлись жертвами гомперсовских (реформистских) и политических авантюристов. Уже завязаны сношения с Сан-Сальвадор, Никарагуа, Колумбией, Гватемалой, Панамой и другими странами и товарищ Джулио Днац, пропагандист М. Т. Р., посетит, делая месячный пропагандистский тур, важнейшие места Мексики и до конференции будет также в Сан-Сальвадоре и Гватемале, из Панамы им будет сделан новый тур по берегам Тихого океана вплоть до Чили. Это первая интернациональная пропагандистская поездка, организуемая рабочими. Этой поездкой установится более тесное сближение между товарищами огромного континента. Д. А. де С. (Бюллетень М. Т. Р.).

Жизнь организации И. Р. М.

С'ЕЗД СОЮЗА ЛЕСНЫХ РАБОЧИХ И.Р.М.

В Мисоуле, штат Монтана, с 25 по 29 октября, состоялся с'езд индустриального союза лесных рабочих №120 И. Р. М. Этот с'езд был одним из самых деловых с'ездов союзов И. Р. М. за последнее время. Вместо того, чтобы тратить время на разговоры о старых методах, делегаты немедленно приступили к начертанию плана, более отвечающего требованиям создавшегося положения в индустрии. Если сравнить этот с'езд с прошлыми, то он выгоднее от них отличается экономией времени. Делегаты вели работы просто и быстро, без лишнего словоизлияния.

По некоторым вопросам мнения делегатов резко расходились, но эти расхождения не проистекали из различного понимания целей. Главная цель — установление полного контроля членского состава над индустриальным союзом и установление такого контроля во всей организации И. Р. М.

Каждый участник с'езда имел свой собственный взгляд на то, как должны вести себя и кто должен руководить делами союза лесных рабочих. Но все пришли к заключению, что это должно быть сделано самим членским составом. По этой причине с'езд не вынес никакого постановления

ЗАБАСТОВКА УГЛЕКОПОВ.

о создании организацион. комитета союза и, таким образом, ведение всех дел остается непосредственно на местах, в руках членского состава. Это решение было подтверждено принятием пункта устава союза, который гласит:

«Отделы должны иметь таких членов комитетов, секретарей и делегатов, каких они сочтут нужными».

Не было сделано никаких попыток к внесению поправок к уставам, которые применялись до сих пор. Все сошлись на том, что гораздо практичнее составить новый, нежели разбирать старый и ртыться в вопросах, вызывающих недовольство уставами. Было достигнуто соглашение в отношении тех отделов, которые не смогут проявить достаточно инициативы для содержания своими силами помещения. По этому вопросу было два предложения: первое, рекомендация, согласно которой должны существовать только такие отделы, которые сами могут содержать помещение. Было постановлено, что отделы (подразумеваются помещения отделов), которые не оплачивают себя, должны быть закрыты.

Съездом был принят новый способ избрания секретаря-казначея. Принятие этого решения будет поставлено на референдум. Кандидатов на эту должность могут номинировать на любом собрании при наличии 7-ми членов. Этим отменяется номинация на съезде союза. Референдум же должен проводиться Исполнительным Комитетом И. Р. М. Причиной такого решения является то, что в Чикаго, где находится контора союза №120, нет отдела этого союза. Это предложение принято единогласно.

Было принято предложение поднять ежемесячные членские взносы до одного доллара.

Съездом принята резолюция о помощи пленникам классовой борьбы, находящимся в тюрьмах и о борьбе за их освобождение, посредством организации и действия на экономическом поприще.

Интересно отметить, что все расходы съезда исчисляются всего лишь в 14 дол. 35 сен. Это доказывает, что организационная работа может вестись при минимальных затратах, если для того есть искреннее желание со стороны членов. Здесь, не в пример зазнавшимся чиновникам из консервативных союзов и политических партий, как нигде, выявлены боевой дух и инициатива «WOBBLY».

Съезд кончился, он наметил ряд вопросов, которые ныне представлены членскому составу на утверждение, и проведение их в жизнь зависит от членского состава.

Вейн, Алберта, Канада. — 30-го ноября местные угольщики почти единогласно голосовали за уничтожение вычетов из заработной платы в пользу союза, к которому они не принадлежат и за присоединение к Индустриальным Рабочим Мира. Угольщики, принадлежавшие прежде к Об'единенным Шахтерам Америки, а потом к независимому юниону Канады, сознали, что они, а также и другие рабочие, могут вести успешную борьбу против хозяев только в том случае, если они будут об'единены в действительно рабочий революционный союз, который не чинит труженикам никаких препятствий и не входит в сговоры с предпринимателями. При тайном голосовании, устроенном на митинге, 400 было за И. Р. М. и только 25 против, а рабочие, которые не могли войти в переполненное помещение и стояли на улице, шумно приветствовали результат голосования.

Забастовка была об'явлена с целью уничтожения вычета из заработной платы и установления заработной платы 1924 года без каких бы то ни было контрактов. В настоящее время погонщики получают по 4 дол. 80 сен. в день, а угольщики — по 5 дол. 40 сен. Шахтеры в Вейн решили, что уже настало время не только приостановить постоянное понижение заработной платы, но и начать борьбу за ее повышение.

Солидарность среди рабочих в Вейн превосходная. Вполне можно ожидать, что угольщики всего округа присоединятся к И. Р. М.

Союз № 210-220 (угольщики и рудокопы И. Р. М.) делает все возможное для поддержки забастовки. Это резко отличается от тактики чиновников из Об'единенных Шахтеров Америки, которые, вместо оказания помощи в борьбе, об'явили забастовку незаконной и отбирают хартеры от союзов.

Борьба началась в результате невыносимых условий труда и низкой заработной платы. Некоторые рабочие после 8-9 часов работы получили чеки в 90 центов! Это не вымысел, а факт, который может быть подтвержден самими угольщиками.

Число участников забастовки увеличивается и солидарность среди них растет несмотря на то, что чиновники об'единенных шахтеров прибегают к стачколомству и делают все возможное для дискредитирования И. Р. М. Один из этих чиновников, называющий себя президентом (?), несмотря на тот факт, что его организация уже несколько месяцев тому назад перестала существовать в этом районе и что на ее месте

появилась новая организация, подписавшая договор с хозяевами и, наконец, несмотря на то, что в данное время углекопы этой местности представлены только организацией И. Р. М., в которой они объединены, вел переговоры с хозяевами. Однако, эти самозванные «представители» в силах внести разлад в сплоченные ряды углекопов. Они могут обещать что угодно, но это не достигает цели, так как не имеет никакого отношения к рабочим, выставившим известные требования и борющимся за них.

Что чиновники из Объединенного Союза Шахтеров действуют в данном случае заодно с хозяевами против бастующих рабочих и организации И. Р. М. видно еще и из того факта, что местная пресса находится в их распоряжении и поддерживает эту кучку смутьянов. Попытка одного из них, г-на Левитта, собрать семь подписей для основания отдела потерпела полное фиаско.

**

Хозяева понимали, что рабочие не имеют сбережений на черный день и что они прибегают к кредиту. Поэтому они дали приказ торговцам прекратить кредит бастующим рабочим. Это значит, что хозяева намерены морить голодом не только самих активных участников забастовки, но и их семьи. Перед И. Р. М. стал вопрос — до какой степени пропитание для нуждающихся. В городе Вейн есть харчевня, куда большинство углекопов ходит кушать. Владелица хотела продать эту харчевню и хозяева шахт торопились купить ее, — конечно не для того, чтобы питать голодных углекопов, а с целью закрыть ее. И. Р. М. предложили владелице 150 долларов, хозяева же пошли на перебой и предложили 600 дол. И. Р. М. сделали это для того, чтобы дать пищу нуждающимся, а хозяева, как раз наоборот, для того, чтобы еще больше увеличить голод бастующих и их семей. Владелица оказалась сознательной женщиной и не соблазнилась долларами хозяев. Она потеряла 450 долларов и предоставила харчевню в распоряжение И. Р. М. Это один из ярких примеров поддержки рабочих в их борьбе за лучшие условия труда. Но нужда здесь настолько велика, что нужна помощь в гораздо больших размерах. Мы рассчитываем на помощь всех рабочих, которые также стремятся к завоеванию лучшей жизни. Более всего мы рассчитываем на поддержку со стороны рабочих Канады и Союзинных Штатов, ибо эта борьба — общерабочая, борьба труда против капитала, в которой взаимопомощь и солидарность первого наносит удар второму и делает этот удар более чувствительным.

История борьбы.

В течение многих лет шахтеры в провинции Альберта вели борьбу против угольных баронов за увеличение заработной платы и за человеческие условия труда. Борьба эта была острая и упорная. Хотя шахтеры были решительны и стойки, все же им не удавалось быть в выигрыше, благодаря предательской тактике чиновников союза объединенных шахтеров Америки, которые помогали им лишь для отвода глаз; они допускали работу в других частях и не препятствовали ввозу угля в эту провинцию, способствуя этим поражению борющихся в этой местности рабочих. Но практика — хороший учитель. Местным углекопам стало не в могоду терпеть долгие безобразия чиновников и они вышли из состава союза Объединенных Шахтеров, предпочитая ему так называемый «опен шап». Хозяева были рады этому. Перед ними рисовались широкие перспективы — неограниченная эксплуатация рабочей силы, увеличение прибылей. К великому их сожалению этого не случилось. Углекопы поняли очень скоро, что без организации они обречены на безжалостную эксплуатацию и нищенское существование. Они начали думать об организации, которая в самом деле может служить спаивающим цементом труда и не заигрывать с хозяевами; они решили узнать подробности об И. Р. М. С этой целью они потребовали оратора от И. Р. М. Тов. С. Скарлетт, который года два тому назад был депортирован из Соес. Штатов в Канаду, прибыл в Вейн. Несмотря на оппозицию, всяческие препятствия и саботаж со стороны некоторых организаций, начатая им работа шла успешно. Углекопы массами посещали митинги, с интересом слушали об И. Р. М. и требовали детальных сведений об организации. В результате углекопы массами вступили в И. Р. М. и под их знаменем начали борьбу против капиталистов. С самого начала эта борьба велась при образцовой товарищеской солидарности и число участников борьбы постоянно увеличивалось. Забастовка охватила восемь шахт и число ее участников достигло больше 2.000 человек.

**

По полученным в Чикаго сведениям забастовка закончилась в пользу рабочих. На этом примере рабочие могут поучиться тому, что прямое экономическое действие тружеников, объединенных в революционные индустриальные союзы, имеет свои преимущества перед чиновнической волокитой и отжившими свой век цеховыми союзами.

ОТКЛИКИ

О МЕЖДУНАРОДНОМ ОБЪЕДИНЕНИИ.

Много лет тому назад перед революционными рабочими организациями был выдвинут, никем иным, как самой жизнью, вопрос объединения в международном масштабе. О причинах возникновения этого вопроса я не буду распространяться, так как они понятны читателям «Голоса Труженика». Я хочу остановиться на более злободневной стороне его, на том, как я смотрю на существующие в данное время международные объединения рабочих организаций и, главным образом, сказать пару слов о соображениях по этому вопросу, выдвинутых товарищами в предыдущих номерах «Голоса Труженика».

Теперь насчитывается, как известно, три Интернационала: Амстердамский, Московский и Берлинский. Индустриальные Рабочие Мира не принадлежат ни к одному из них. Почему это так? спрашивают товарищи.

Понятно, что о присоединении И. Р. М. к Амстердамскому или Московскому Интернационалам не может быть и речи. Они, как революционная рабочая организация, развивающая всю деятельность на экономическом поприще и неимеющая ни малейшего желания брататься с политиками, будь они красной или желтой марки, держат свой путь в противоположную сторону от этих интернационалов. Но почему же И. Р. М. не присоединяется к Берлинскому Интернационалу — М. Т. Р., — родственному им по своим принципам и задачам?

На эту тему в октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Голос Труженика» напечатаны статьи. В первом статья тов. А. Шапира, во втором статьи т.т. Я. и М.

Тов. А. Шапира ставит вопрос: каково отношение И. Р. М. к М. Т. Р.? И отвечает, что «это отношение, в лучшем случае, носит характер почти-что безразличного нейтралитета», что «И. Р. М. смотрят на М. Т. Р. свысока». Кажется, что тов. Шапира должен был бы иметь иной взгляд на это отношение. И. Р. М. в целом обвинить в таком отношении нельзя. Ведь тов. Шапира известно дружеское отношение к М. Т. Р. «Голоса Труженика» и итальянской газеты «Ил Пролетарิโอ». Как видно это «ничего не говорит ни уму, ни сердцу» тов. Шапира. В таком случае мы не знаем, что плохо и что хорошо. Кроме этого есть сторонники М. Т. Р. среди членского состава И. Р. М. как американцев, так и других национальностей. Но тов. Шапира с этим не

считается и бьет на официальное отношение, на то, что И. Р. М. находятся вне М. Т. Р. и отсюда делает свои выводы.

Что же касается доктрины Монро, так я не могу понять, зачем тов. Шапира хочет приписать ее влияние на И. Р. М., называя их одновременно и сторонниками этой доктрины, и боевой революционной организацией. Это явное противоречие. Доктрина Монро и боевая революционность не могут совмещаться. Мы можем отстаивать, принимая во внимание развитие промышленности и капиталистической организации, что форма организации и принципы И. Р. М. — единственно-целесообразные для рабочих в данное время. «Игнорирование» же Европы, вернее, «безразличное», как пишет тов. Шапира, отношение И. Р. М. к М. Т. Р., имеющему свое начало и корни в Старом Свете, вытекает как раз с противоположной стороны. Не доктрина Монро, а поведение лидеров европейского рабочего движения держит И. Р. М. вне официального объединения со Старым Светом.

Тов. Шапира не преминул упрекнуть И. Р. М. за традиционный марксизм. Правда, многие наши члены считают себя марксистами, но не целиком. Марксистами они считают себя потому, что находят ценными научные обоснования Маркса в области экономики. Ведь это признают и многие анархисты и даже члены М. Т. Р.! Политическая же сторона учения Маркса, государственный строй, И. Р. М. отрицается.

А о том, что тов. Шапира не прав, говоря, что одним из недостатков И. Р. М. является «отсутствие малейшего интереса к революционному рабочему движению всего мира», и говорить много не приходится. Ведь, быть может, как раз в то время, когда тов. Шапира писал эти строки, члены И. Р. М. союза рабочих морского транспорта вели в нескольких портах Америки забастовку солидарности с европейскими моряками. Это не единственный случай. Таких фактов в истории И. Р. М. есть много. А то, что И. Р. М. не проявляют особой спешности в вопросе присоединения, хотя бы даже к М. Т. Р., еще не означает отсутствия в их среде интереса к революционному рабочему движению всего мира. Я надеюсь, что и тов. Шапира впоследствии согласится с этим.

Интересны советы, которые дает нам, находящимся в Новом Свете, тов. Шапира. Но раньше, чем говорить об этой части

статьи, я хочу заметить, что, цитируя предисловие Кропоткина к «Речам бунтовщика», тов. Шапиро делает заключение, что цель М. Т. Р. и И. Р. М. в их работе — одна. Теперь, что значит «распространение в локалах и печати И. Р. М. на разных языках идей, провозглашенных в статутах М. Т. Р.»? Разве, в случае одинаковых целей организаций, пропаганда идей одной не является приемлемой для другой? Это, как видно, для «реагирования против всяческих марксистских уклонов, часто бессознательных, со стороны вождей И. Р. М.». Я просто не понимаю, против каких это вождей? Кто они? И. Р. М. не особенно почитали вождей в первые годы своего существования, когда таковые были на лицо, тем более нет этого теперь, когда признанные и непризнанные вожди совсем отсутствуют.

Остается вопрос о том, «что мешает И. Р. М. действовать воедино с М. Т. Р.»? Ответить на этот вопрос не легко. Но я буду беспристрастным и скажу мое мнение, основываясь на впечатлениях, вынесенных мною из разговоров и дискуссий по этому вопросу с членами организации.

На мой взгляд тут ничего серьезного нет. Есть только отсутствие нужного понимания друг друга, которое сказалось и в представлении тов. Шапиро об И. Р. М. и об их отношении к М. Т. Р. Я лично ничего не имею против вступления в М. Т. Р., наоборот, я за вступление. Большинство же членов И. Р. М. считают, что, находясь вне какого бы то ни было Интернационала, в том числе и Берлинского, наша организация может делать в пользу международного рев. рабочего движения столько же, сколько находясь в международном объединении. Такой взгляд есть результат опыта с Московским Профинтерном, присоединение к которому в свое время горячо дискутировалось в нашей печати. После того, как этот вопрос был решен в отрицательном смысле, не обошлось без некоторых инцидентов, вызванных сторонниками Профинтерна. Это, несомненно, плохо отразилось на работе организации. Многие из членов И. Р. М. держатся того мнения, что подобная история повторится снова в вопросе об М. Т. Р. Тут подоспел прошлогодний раскол — другая неурядица, отвлекающая внимание от созидательной работы. Если же еще и еще вносить такие вопросы, так ничего иного и быть не может, кроме пустых разговоров. К этому следует добавить и нападки на И. Р. М. со стороны некоторых членов М. Т. Р., например из Южной Америки. Само же М. Т. Р., кроме своего бюллетеня, являющегося только осведомительным органом событий, ничем иным не дало о себе знать читаю-

щим по-английски товарищам. Кто составляет М. Т. Р., так и не сказано америанскому рабочему на его родном языке. По наслышке в таких вопросах разобраться нельзя. Нужны данные и основания. Все это вместе взятое и составляет одну причину, почему организация И. Р. М. находится вне М. Т. Р.

О статьях т.т. Я. и М....

Я не могу всецело согласиться с мнениями авторов этих статей.

Тов. Я., кажется, не прав, когда пишет, что признает объединение бессильных единиц «лишь по плану строжайшей дисциплины и централизации». Как известно, централизация и дисциплина не могут дать силы там, где ее нет. Если рабочие не проявят достаточной инициативы по своему собственному сознанию в действиях против эксплуататоров, то, будь они объединены в большом или малом количестве, дисциплина и централизация делу не помогут. Если человек или группа людей, задавшихся известной целью, понимают ее, сознают свой долг и по своему желанию делают возможное с их стороны, так, несомненно, результаты будут во много удовлетворительнее, нежели чем их принуждать к этому дисциплиной. Следовательно, если можно признавать объединение бессильных единиц по плану централизации и дисциплины, то нет никакого довода против их объединения на федералистических началах.

Но будет ли польза революционному рабочему движению от объединения, скажем, И. Р. М. с М. Т. Р.? Конечно будет. Будет польза и выгода. Понимать друг друга, рассчитывать друг на друга, хотя бы в некоторых вопросах, что-либо да значит. При том, на мой взгляд, международное объединение не должно мешать работе национальной организации. Для этого нет причин, если сознание целей объединения имеется на лицо. Если же нет предпосылок для объединения, тогда об этом и следует говорить, но не отвергать полезности самого объединения.

Тов. Я. против вступления в М. Т. Р., потому что считает И. Р. М. интернационалом. Являются ли они таковым или нет в данном случае не важно. Если бы даже они и были таковым, так сближение с родственными нам организациями Европы имело бы громадное значение. Раздробление сил революционного пролетариата не целесообразно. Оно вредно. Европейские же революционно-синдикалистские объединения родственны И. Р. М. При большем понимании друг друга эта родственность возросла бы и послужила бы для накопле-

ния более значительной силы против международного капитализма и против подрывающих ряды рабочих организаций личностей из политических партий.

Своевременно теперь обсуждать этот вопрос или нет? Тов. Я. считает, что нет. Держится он такого мнения, пожалуй, потому, что нет достаточной подготовки для разрешения вопроса в пользу объединения И. Р. М. с М. Т. Р., именно, в данное время. Приходится признать, что трудность разрешения этого вопроса в положительном смысле на много увеличилась опубликованием секретариатом М. Т. Р. заявления отколовшейся от И. Р. М. части, называющей себя «Эмердженси Программ». Об этом я скажу пару слов в связи со статьей тов. М.

Я соглашаюсь с товарищем М., что важные вопросы нужно решать в первую очередь, но добавляю, что весьма многие из важных вопросов в революционном рабочем движении не могут быть решены сразу лишь потому, что мы желаем этого. Для решения важных вопросов одного доброго желания недостаточно, нужна в такой же степени и соответствующая обстановка. В силу отсутствия условий для решения некоторых наших вопросов нам, к сожалению, по необходимости приходится откладывать их в неопределенную даль.

Кого винить в отсутствии условий решения, поднятого вопроса? Тов. М. приписывает эту вину И. Р. М. и пишет, что их печать, за редким исключением, замалчивала и продолжает замалчивать М. Т. Р. Так ли это? Факты говорят обратное. «Голос Труженика», «Ил Пролетарио» — орган итальянских членов И. Р. М., в свое время «Индустриал Воркер», а также чехословацкий журнал «Една Велька Юния» и венгерская газета «Бермункас» давали и дают место, поступающим к ним сведениям о делах М. Т. Р. На мой взгляд, упомянутые выше органы печати И. Р. М., в особенности русский и итальянский, дают больше места материалам М. Т. Р., чем можно ожидать от газеты или журнала не являющихся органами М. Т. Р.

Тов. М. пишет, что «верхушки И. Р. М. смазали вопрос об М. Т. Р.» и добавляет, что «если вспомнить, что Гарди, делегат И. Р. М. в Москву, принимал участие на Берлинском совещании рев. синдикалистов 1920 г. и что он дал уверение, что И. Р. М. примут активное участие в намечавшейся международной конференции революционных синдикалистов, если вспомнить, что эти уверения были потом подтверждены Вильямсом, то становится более чем странной, более чем непонятной линия поведе-

ния И. Р. М. по отношению к М. Т. Р.». Из этих слов тов. М. видно, что он желал, чтобы уверения Гарди и Вильямса решили вопрос отношения И. Р. М. к М. Т. Р. Ни Гарди ни Вильямсу не было дано полномочий от И. Р. М. раздавать кому бы то ни было подобные уверения. На мандатах упомянутых выше делегатов были указаны их полномочия, о которых следовало бы осведомиться тем, с кем они вели одни или другие беседы и узнать, что решение вопросов зависит не от них.

Как Гарди, так и Вильямс были делегированы от И. Р. М. только для того, чтобы на месте узнать положение дел и, по своему возвращении, доложить об этом организации, которая сама должна решить вопрос о том, где она будет или не будет принимать участие. Я более чем удивлен, как это тов. М. мог сделать из этого выводы странного и непонятного отношения И. Р. М. к М. Т. Р.?

Далее: «Этому неопределенному поведению пора положить конец. Если И. Р. М. против М. Т. Р., тогда будет... ясна их позиция; эта ясность и определенность даст возможность и М. Т. Р. и всему международному революционно-синдикалистскому движению в свою очередь занять ясную и определенную позицию в отношении северо-американских И. Р. М.». Кажется, как будто позиция И. Р. М. в этом вопросе не ясна и не определена. В действительности дело обстоит иначе: официальная позиция ясна — И. Р. М. в целом не находят нужным вступать в данное время в М. Т. Р. Поведение определенное. Но тов. М. идет дальше и бьет на лозунг «кто не с нами тот против нас». В этом вопросе этого как раз не нужно. Хотя И. Р. М. и стоят вне М. Т. Р., все же они не являются его противниками и желают вести возможную кооперацию, перепику и т. д. Какую же, по мнению тов. М. должны занять позицию при данном положении и М. Т. Р. и международные революционные синдикалисты в отношении И. Р. М.?

Обсуждение вопроса взаимоотношений между И. Р. М. и М. Т. Р. в данное время несколько расширяется опубликованием в бюллетене М. Т. Р. заявления «Эмердженси Программ». В этом вопросе я разделяю мнение тов. Я. Не следовало бы М. Т. Р. давать такую услугу раскольникам, которые только и ищут возможности лягнуть противную им сторону и оправдать себя издвигаямою ими грязью. По мнению тов. М. примечание к заявлению оправдывает его помещение в бюллетене. К сожалению это примечание до сих пор так и осталось только примечанием. Никакого расследования еще нет и когда оно будет неизвестно. Что

же касается освещения этого дела с нашей стороны, так оно давным давно освещено во всех подробностях и не наша вина, если товарищи не потрудились познакомиться с этим освещением. Говоря же о смерти и похоронах «Э. П.» и предоставленной М. Т. Р. для этого возможности, следует заметить, что не было надобности хоронить их в глазах международного революционного движения, ни морально, ни физически. Они

умирают от своего собственного недуга и лжи в тесной конуре на американском материке. Через услуги М. Т. Р. этот вопрос поставлен перед международным революционным рабочим движением, который, надеюсь, оно обсудит со временем и определит к нему свое отношение. От этого зависит многое в сближении И. Р. М. с М. Т. Р.

В. Хомич.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИШЕСТВО РАБОЧИХ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МИРА.

В 12 номере «Голоса Труженика», за подписью тов. А. Шапиро, появилась статья: «Индустриальные Рабочие Мира и Международное Товарищество Рабочих».

Тов. Шапиро, отвечая на запрос товарищам, эмигрировавшим в Соединенные Штаты, об отношении М. Т. Р. к организации И. Р. М., указал ряд неправильных, по его мнению, моментов в отношении И. Р. М. к М. Т. Р.

По словам тов. Шапиро, организация И. Р. М., с якобы всосавшейся в нее доктриной Монроэ, доктриной «самодовольствия», смотрит на европейское революционное движение свысока. По моему мнению, такой взгляд тов. Ш. на организацию И. Р. М. глубоко ошибочен и приписываемая им организации система Монроэ не имеет места в среде Индустриальных Рабочих Мира.

Упомянутая система «самодовольствия», может относиться к патристически-настроенным организациям, к организациям сто-процентного американизма, но ни в коем случае не к организации И. Р. М., состав которой — рабочие выходцы из разных европейских стран; мировоззрение такого состава, по самой его природе, интернационалистично.

В организации И. Р. М. не замечается уклона и в сторону марксизма, несмотря на то, что основателями организации И. Р. М. были марксисты. Коротко говоря, марксизм в организации И. Р. М. изжит. Фактическое доказательство — ряд конференций, которые протекали без всякой политической окраски. Правда, находятся в организации отдельные личности, которые, с появлением грязного, обрызганного человеческой кровью большевизма, стараются помешать развитию организации.

Если организация И. Р. М. до сих пор не уделяла серьезного и должного внимания вопросу международного объединения организованного пролетариата, так не потому, что в организации И. Р. М. преобладает дух «самодовольствия», нет, имеются другие причины.

Таких причин много.

- 1) Междоусобица в организации.
- 2) Постоянные аресты передовых членов организации.
- 3) Измена Гарди, бывшего делегата на съезде в Москве.
- 4) Примирение некоторых видных членов организации с большевиками.

Все эти причины вредно отразились на организации И. Р. М.. Они не только послужили причиной задержки решения вопроса о международном объединении, но и нанесли большой ущерб организации.

Каждая организация, ведущая междоусобицу внутри, не может так скоро сказать своего слова в ту или другую сторону.

Коль скоро организация И. Р. М. опрится от всех неурядиц и разобьет окончательно иллюзии тех членов организации, которые никак не могут отрешиться от централистического насморка, — она, с уверенностью можно сказать, станет частью анархо-синдикалистского интернационала.

По вопросу об объединении в 13 номере «Голоса Труженика» появилось две статьи, одна из них принадлежит тов. Я., на которой я и хочу остановиться. По моему мнению тов. Я. заслуживает, с точки зрения революционера, резкой критики.

Трудно понять тов. Я., какую, собственно, цель он преследует в своей статье. В одном месте он набрасывается с критикой на централистов Раддоков и Баурманов, в другом же сам признает централизм и строгаишую дисциплину.

Значит, разница между централизмом «Э. П.» и централизмом тов. Я. очень малая. Откуда же централизм не исходил, он всегда будет являться огромным препятствием широкому развитию революционной самостоятельности масс.

Мне прекрасно известны плоды централистов в организации И. Р. М. Никто иные как централисты привели организацию к позорному расколу, имевшему недавно место в И. Р. М.

Централисты не только были мастерами

раскола, но они все время тормозили прогресс организации.

Кто из нас не помнит тех дней, когда централисты, охваченные манией большевистской «Социальной Революции», самовольно и умышленно не допускали критики, бичующей бестолковый государственный коммунизм.

Тов. Я. известен инцидент с бывшим редактором журнала: «Один Большой Союз» Сангрином, которому в то время пришлось вести брью с централистами. Однако, несмотря на его настоятельную и упорную борьбу, он, под давлением ослепленных литературных невежд, вынужден был оставить пост редактора.

После ухода ред. Сангина, централисты пошли дальше. Например, Бартел, секретарь венгерской газеты И. Р. М., и ред. Нюман, захватив кассу, перешли в другое помещение и начали издавать свою газету с коммунистической закваской.

При создавшемся положении рядовым членам ничего не оставалось делать, как принять крутые и решительные меры против централистического крыла.

Принятые меры дали хорошие результаты. Доказательством этого является закончившийся недавно съезд И. Р. М.

Ни в речах делегатов съезда, ни в резолюциях не замечается централизма, наоборот, возведена каменная стена, о которую разбиваются все централистические планы.

Весьма неудачное заключение делает в своей статье тов. Я, где он говорит: «До сих пор вопрос об интернациональном объединении кроме раздоров в организации, никаких плодов не принес. Он задержал развитие организации, он разрывает ее на части. Быть может, если-бы не было этих вопросов, И. Р. М. в настоящее время были бы могущественной экономической силой и

смогли бы оказать реальную поддержку рабочим других стран.»

На мой взгляд вопрос об интернациональном объединении ничего плохого, кроме хорошего, не сделал. Если бы в организации И. Р. М. не было речи об интернациональных взаимоотношениях организованного рабочего класса, еслибы большевистски настроенным централистам и политикам, на подобие г. Гарди, не была поднесена пощечина докладом Вильямса, (делегат на интер. съезд проф-союзов в Москве), то организация И. Р. М., быть может, уже была бы на пути замирания и влачила бы такое же убогое и незаметное в революционном рабочем движении существование, какое влачит ныне коммунистическая партия Америки.

Предположение тов. Я., что, не будь этих вопросов, организация приобрела бы большую экономическую силу, является утопией.

Как в теории, так и на практике доказано: там, где отсутствует децентрализм, не может вырасти рабочая сила. В полной мере сила рабочих способна проявляться только при автономии индустриальных союзов, синдикатов и кооперативов.

В заключение скажу: поскольку мы считаем, что капитализм интернационален, постольку я нахожу необходимым соединение всех революционно-воспитанных организаций с М. Т. Р., на знамени которого ярким пламенем горят слова: «Равенство и Братство».

Я за вступление в М. Т. Р., так как оно в своих статутах указывает истинный путь, путь федерализма, а при федерализме не может существовать никакой центральной власти, навязывающей свою волю другим организациям.

Н. Грибов.

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА» ЗА ОКТЯБРЬ И НОЯБРЬ 1925 ГОДА.

Приход:

Подписка	13.30
За проданные номера	47.53
Добровольные пожертвования	72.04
Литература	2.00
Переходная сумма	1.00

Итого 135.87

Расход:

Печатание 2-х номеров журнала	114.00
Почтовые расходы	26.00
Переводчику	10.00
Упаковка журнала и канцелярские расходы	14.57

Переходная сумма 1.00
Итого 165.57

Дефицит на 1 декабря 29.70

ФОНД «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

Я. Старик и С. Занько, Лос Анжелес, Калифорния	25.00
И. Гарасюк, Детройт, Мич.	5.00
Б. Еленский, Чикаго, Илл.	10.00
А. Бекиш, Ревельсток, Б. К.	3.50
И. Гарасюк, Детройт, Мич.	1.50
Н. Грибов, Чикаго, Илл.	1.25
Объединенный комитет печати И. Р. М., Чикаго, Илл.	30.79